

HOKKAIDO UNIVERSITY

Title	Последние русско-японские переговоры перед войной 1904-1905 гг. (взгляд из России)
Author(s)	Лукоянов, Игорь
Citation	Acta Slavica Iaponica, 23, 1-36
Issue Date	2006
Doc URL	https://hdl.handle.net/2115/39455
Type	departmental bulletin paper
File Information	ASI23_001.pdf

Articles

Последние русско-японские переговоры перед войной 1904-1905 гг. (взгляд из России)

Игорь Лукоянов

Ход русско-японских переговоров 1903 г. не раз был предметом изучения. Впервые это сделал П.Н. Симанский в своем обстоятельном исследовании о политике России на Дальнем Востоке за последнее десятилетие до войны.¹ Опираясь преимущественно на архивы различных ведомств и бумаги, принадлежавшие главным действующим лицам тех событий, автор детально проследил события 1903 г., стремясь по возможности давать им исчерпывающие объяснения. До сегодняшнего дня труд историка-генерала является самым представительным из всех по части фактов. К сожалению, его ценнейшая работа долгое время была неизвестна даже специалистам, так как ее напечатали всего в 7 экземплярах под грифом «секретно».² К недостаткам этого фундаментального труда можно отнести лишь нескрываемую симпатию автора безобразовцам и их политике. Следующий исследователь переговоров – Б.А. Романов – уделил основное внимание не столько их конкретному ходу, сколько общей международной обстановке. Опора на многотомные публикации английской и немецкой дипломатии привела к тому, что главную режиссуру русско-

1 Симанский П.Н. События на Дальнем Востоке, предшествовавшие русско-японской войне (1891-1903 гг.). Часть 3. Последний год перед войной. СПб., 1910.

2 В 1994 г. труд П.Н. Симанского был переиздан в России под другим названием («Россия и Япония на заре XX столетия. Аналитические материалы (? – И.Л.) отечественной военной ориенталистики»), которое совершенно не отражает суть исследования. Казалось бы, перепечатку этой незаурядной работы следовало сопроводить вводной статьей, объясняющей обстоятельства ее появления и место в историографии. Вместо этого, читателям были предложены отвлеченные рассуждения генерала от истории В.А. Золотарёва и его соавтора В.И. Шеремета о дальневосточной политике России начала XX в., изобилующие нелепыми оценками и по уровню владения проблемой сильно уступающие труду П.Н. Симанского. В завершение всего публикатор переделал справочный аппарат трехтомника, заменив постраничные сноски на концевые для каждого тома, да еще и сделав их двойными (это когда в сноске содержится отсылка на источник, находящийся в списке под определенным номером). Учитывая, что источниками работы служили почти исключительно архивные документы, такое «усовершенствование» привело лишь к тому, что пользоваться справочным аппаратом стало весьма сложно. Этого В.А. Золотарёву показалось мало: в силу собственного разума он еще и внес в сноски некоторые «исправления», искажающие их. В общем, получился образец того, как не следует перепечатывать исторические исследования.

японских переговоров историк отдал в руки Лондона, постоянно подчеркивая на подстрекающую роль Англии в развязывании войны.³

В англоязычной литературе к истории русско-японских переговоров обращались многие авторы. Даже простое перечисление всех их невозможно в рамках статьи, поэтому я ограничусь упоминанием лишь самых значительных работ. Первой была книга А. Малозёмова, опубликованная в 1958 г., и поныне остающаяся одной из лучших о дальневосточной политике самодержавия рубежа XIX-XX веков. Автор, работавший в США, был вынужден пользоваться исключительно опубликованными русскими источниками, архивы являлись для него недоступными. Проследить динамику во мнениях и влиянии отдельных русских официальных лиц он просто не мог, поэтому при исследовании русско-японских переговоров 1903 г. сосредоточился преимущественно на сопоставлении официальных позиций и сравнении японских предложений и русских ответов.⁴ Другим путем пошел известный британский историк Я. Ниш, признавшийся, что не испытывает удовлетворения от того, как он сумел представить картину принятия решений Петербургом.⁵ Также не имея доступа к российским архивам, он взял за основу многочисленные как опубликованные, так и неопубликованные английские и отчасти японские источники. Соответственно, позиция Петербурга на переговорах представлена в его очень качественном исследовании фрагментарно. Пожалуй, последним исследованием, в котором тема дипломатической предыстории войны 1904-1905 гг. получила значительное отражение, является книга Д. Мак Доналда.⁶ Написанное на добротном уровне исследование имеет проблемы по части источников (как можно догадаться, не по вине автора). К сожалению, и его документальная база – в основном опубликованные материалы, а также архив С.Ю. Витте, хранящийся в РГИА. Особенно часто он обращался к дневнику А.Н. Куропаткина, большая часть из которого была опубликована в 1920-е гг. Не удивительно, что Д. Мак Доналду пришлось воспроизвести многие уже имеющиеся в литературе оценки, а иногда и неточные суждения. Например, легенду о «маленькой победоносной войне» В.К. Плеве.⁷ Или – излишне прямо-

3 Романов Б.А. Дипломатическое развязывание русско-японской войны 1904-05 гг. // Исторические записки. Т. 8. М., 1940. С.37-67. Содержание этой статьи повторяется в книге: Романов Б.А. Очерки дипломатической истории русско-японской войны 1895-1907. Изд. 2-е, испр. и доп. М.-Л., 1955.

4 A. Malozemoff, *Russia's Far Eastern Policy* (Berkeley, 1958). Русско-японские переговоры он рассматривает в главе IX «Путь к войне», собственно о переговорах – pp. 237-253.

5 J. Nish, *The Origins of the Russo-Japanese War* (London, 1985), p. XI. Истории русско-японских переговоров в той или иной степени посвящено пять глав, с 10 по 14 (pp. 152-212).

6 D. McDonald, *United Government and Foreign Policy in Russia, 1900-1914* (Cambridge, Mass., 1992).

7 Ibid., p. 71.

линейное представление о позиции Николая II в 1903 г. как о двух разных политиках.⁸ Дальневосточный «тупик» России он представил по большей части в виде противостояния «триумвирата» (С.Ю. Витте – В.Н. Ламздорф – А.Н. Куропаткин) и безобразовского кружка, начиная его чуть ли не с 1897 г.⁹ Дипломатия 1903 г. выглядит у автора соревнованием записок и выступлений, а интересы, за ними стоявшие, понятны далеко не всегда. Вместе с тем, следует отметить, что большинство его суждений и заключений вполне справедливо. К примеру, о длительной, до конца 1903 г. симпатии царя политике Е.И. Алексеева или о системном кризисе власти к этому времени и т.д.

Разумеется, в небольшой статье невозможно убедительно, на большом фактическом материале проанализировать все обстоятельства, связанные с русско-японскими переговорами 1903 г. Поэтому основное внимание в ней уделяется не хорошо известным фактам и документам, а тому, как вырабатывалась позиция русской стороны и чьи интересы и влияния она отражала, с опорой в основном на архивные материалы, к сожалению, недоступные предыдущим исследователям. Как мне представляется, такой аспект имеет важное значение для более глубокого понимания не только хода переговоров, но и возможностей Петербурга, а в конечном итоге, и причин русско-японской войны 1904-1905 гг.

Корни русско-японской войны следует искать в конфликте колониальных интересов двух стран на Дальнем Востоке. Отношения России и Японии до середины 1890-х гг. были хотя и непростыми, но не враждебными. Многие изменилось после японо-китайской войны 1894-1895 гг. Петербург, прежде всего, благодаря энергичным действиям молодого министра финансов С.Ю. Витте, сделал выбор в пользу союза с Китаем и настоял на том, чтобы Токио вернул Пекину завоеванный у него Ляодунский полуостров. Однако не это и даже не утверждение России в 1898 г. в Порт-Артуре стало причинами военного столкновения. Японию и Россию поссорил в основном корейский вопрос. Страна восходящего солнца, давно претендовавшая на королевство, столкнулась там с быстро выросшим влиянием северной соседки. Это произошло из-за стечения обстоятельств, так как Петербург не имел внятных интересов на Корейском полуострове, за исключением возможного приобретения там незамерзающего порта. В корейские дела его втянули неудачные действия самой Японии (попытка переворота в 1895 г.) и ответ корейского короля, искавшего у России защиты. Витте, интересовавшийся только Китаем, после приобретения Порт-Артура готов был уступить влияние в Корее Японии. Но так думали не все российские министры. Ситуация еще более обострилась в 1900 г., когда российские войска приняли активное участие в подавлении восстания боксеров и оккупировали Маньчжурию. Позиции

8 Ibid., p. 70.

9 Например, ibid., p. 41.

Витте ослабили, а военные, получившие возможность контролировать весь Северный Китай, рассматривали Корею, по крайней мере ее северную часть, как важную стратегическую позицию, защищающую коммуникации Порт-Артура. Оккупацией Маньчжурии оказались недовольны все великие державы, особенно Англия и США, требовавшие освободить китайскую территорию от русских войск. Петербург медлил, стремился навязать Пекину сепаратное соглашение, чем еще более настраивал против себя другие страны. Япония, жаждавшая компенсаций сначала за Ляодун, а затем за Маньчжурию, также не получала от России внятных уступок. В частности, посетивший в конце 1901 г. Петербург маркиз Х. Ито не смог договориться с российским руководством по Корее. Ответом Токио стало англо-японское соглашение 1902 г., направленное прежде всего против России. Этот союз проложил уже прямой путь к русско-японской войне, так как Япония получила важную поддержку в своих притязаниях. Петербург же так и не сделал из происшедшего должных выводов.

ОБСТАНОВКА ДО ПЕРЕГОВОРОВ: ПЕРЕМЕНИ ВО ВЛАСТИ В КОНЦЕ 1902 – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1903 гг.

За последний год, предшествовавший войне с Японией, в российской власти произошли значительные перемены. С.Ю. Витте утратил руководящую роль в дальневосточной политике. После поездки на Дальний Восток осенью 1902 г. он существенно изменил взгляды на собственные действия. Крах всех его прежних замыслов в Китае явственно проявился 27 октября 1902 г. на совещании в Ялте у Николая II по вопросу о заселении полосы КВЖД. Там С.Ю. Витте отверг необходимость всякой активности России даже в Маньчжурии, а для укрепления позиций на Дальнем Востоке министр финансов предложил построить исключительно по российской территории Амурскую железную дорогу.¹⁰

Более подробно свои взгляды С.Ю. Витте изложил в конце 1902 г., отвечая на записки Р.Р. Розена и А.И. Павлова о дальневосточной политике России. Выступая за временное соглашение с Японией, даже за союз с ней, министр финансов необоснованно полагал, что ему удастся заставить Токио отказаться от Маньчжурии, предоставив японцам свободу рук в Корее. Очевидно, что С.Ю. Витте понимал содержание дальневосточных проблем слишком узко. Так, он не отреагировал на предложение Р.Р. Розена урегулировать отношения с Англией. Представления министра финансов, в отличие от барона, желавшего расколоть англо-японский союз и тем намеревавшегося *избежать* вооруженного конфликта, базировались на утверждении о *неизбежности* для России войны с Японией в бу-

10 Черновой вариант журнала совещания в Ялте 27 октября (9 ноября) 1902 г., составленный С.Ю. Витте // Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 560 [Общая канцелярия министра финансов], оп. 26, д. 326, л. 163-164.

душем. Продолжая рассуждать о господстве в Маньчжурии, С.Ю. Витте признавал, что Россия не может ее захватить, так как это вызовет сильные протесты держав.¹¹ Записка сановника ярко свидетельствовала о тупике, в который зашла его дальневосточная политика. Начав в 90-е гг. XIX в. с программы широчайшей экономической экспансии в Китае, к концу 1902 г. он не мог предложить ничего иного кроме уступок и отступления по всем направлениям. Призывы к твердости не должны вводить в заблуждение: они не подкреплялись конкретными предложениями, но неизменно сопровождались утверждениями об опасности войны или, как минимум, о противодействии держав Петербургу.

Полный отказ от планов экономического доминирования в Китае явился серьезным ударом для Николая II. До этого императору на протяжении почти десятилетия обещалось, что Россия станет хозяйкой Востока. Естественным для него было желание сохранить из былых грез хоть что-то и рост недоверия к министру финансов. Тут царь вспомнил о его оппонентах с 1898 г. – безобразовцах,¹² которые сразу предложили план действий: сконцентрировать в одних руках все имеющиеся маньчжурские и корейские концессии, открыть для иностранцев Южную Маньчжурию, а для того, чтобы они не смогли там развернуться – нанять хунхузов – «и предприятия ломаются, люди исчезают».¹³ Такая позиция, насколько бы нелепой она не выглядела, была все же предпочтительнее полной капитуляции С.Ю. Витте. Другой альтернативы Николаю II никто не предложил. Министр иностранных дел В.Н. Ламздорф настаивал лишь на выполнении международных договоров, прежде всего, об эвакуации Маньчжурии, что мало отличалось от позиции С.Ю. Витте. Военный министр А.Н. Куропаткин, наоборот, предлагал не исполнять соглашение 26 марта (8 апреля) 1902 г. о выводе русских войск, а объявить о присоединении к России Северной Маньчжурии, не отдавая себе отчета во всех последствиях такого шага. Ее аннексия, если бы она состоялась, решала лишь одну задачу – защиту линии КВЖД, создавая при этом массу новых проблем, прежде всего, в отношениях с рядом стран (США, Англия, Япония, Китай).

11 Черновик записки С.Ю. Витте В.Н. Ламздорфу в ответ на записки Р.Р. Розена и А.И. Павлова 28 декабря 1902 г. (10 января 1903 г.) // Там же, оп. 28, д. 59, л. 93-101.

12 Безобразовцы – группа неофициальных, но влиятельных лиц, объединившаяся в начале 1898 г. вокруг «концессии Бриннера» (разрешавшей рубку леса на корейском берегу р. Ялу). Они сразу начали противодействовать политике С.Ю. Витте на Дальнем Востоке, считая необходимым сохранить активность России в Корее. Серьезное значение этой группе придало покровительство некоторых высокопоставленных лиц (великого князя Александра Михайловича, графа И.И. Воронцова-Дашкова) и симпатии Николая II (подробнее см.: I. Lukoianov, "The Bezobrazovtsy," in John H. Steinberg et al., eds., *The Russo-Japanese War in Global Perspective. World War Zero* (Leiden-Boston, 2005), pp. 65-86).

13 Дневник А.Н. Куропаткина. Б/м., 1923. С.12. Запись 1 (14) декабря 1902 г.

Усиливавшиеся разногласия среди министров отражались и на действиях местных властей. Собственное мнение о дальневосточной политике имел начальник Квантунской области Е.И. Алексеев, стремившийся тогда прежде всего к закреплению русского влияния в Маньчжурии и безопасности коммуникаций Порт-Артура. Е.И. Алексеев исходил из того, что соглашение с Китаем 26 марта (8 апреля) 1902 г. выполнять нежелательно, лучше всего следовало бы «под благовидным предлогом удерживать за нами занятое положение в Маньчжурии». Если же это невозможно, дальнейший вывод войск надо обусловить специальными мерами по защите русских интересов в Китае. Для того, чтобы снять недовольство иностранцев, глава Квантуна предлагал расширить их возможности, правда, не конкретизируя свое предложение. В отличие от безобразовцев он не придавал большого значения Корее, допуская возможность «временно» уступить ее. Он полагал, что «с увеличением нашего военного могущества на здешнем Востоке Япония не будет в состоянии отстоять свое положение в Корее».¹⁴

Одобренный Николаем II план безобразовцев по характеру действий мало чем отличался от последних инициатив С.Ю. Витте. Единственным ощутимым различием между ними было отношение к Корее. А.М. Безобразов во время своей поездки на Дальний Восток в начале 1903 г. во всеуслышание заявил, что целями русской политики должна быть охрана границы и присоединение Маньчжурии.¹⁵ Главную ставку он сделал на концессию, в частности – на получение годового порубочного билета на китайском берегу р. Ялу в качестве продолжения принадлежавшей безобразовцам корейской лесной концессии, рассматривая их также как опору и защиту против Японии.¹⁶

Для «охраны» безобразовского лесного предприятия руководивший ей подполковник А.С. Мадритов завербовал около 600 человек и требовал предоставить им не только стрелковое оружие, но и артиллерию.¹⁷

14 Черновик телеграммы Е.И. Алексеева Николаю II 17 (30) мая 1903 г. // Российский государственный архив военно-морского флота (РГА ВМФ), ф. 32 [Е.И. Алексеев], оп. 1, д. 123, л. 53-57.

15 Всеподданнейший доклад А.М. Безобразова 16 (29) апреля 1903 г. // РГИА, ф. 892 [Балашёвы], оп. 3, д. 126, л. 16; его же всеподданнейший доклад 9 (22) августа 1903 г. // Там же, л. 150, 152.

16 Д.Д. Покотилов – С.Ю. Витте 21 февраля (6 марта) 1903 г. // Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ), ф. 143 [Китайский стол], оп. 491, д. 1519, л. 37-39; *Симанский. События на Дальнем Востоке*. С. 61.

17 В.Е. Флуг – Е.И. Алексееву 29 апреля (12 мая) 1903 г. // РГА ВМФ, ф. 32, оп. 1, д. 178, л. 1; В.Е. Флуг – А.С. Мадритову 22 апреля (5 мая) 1903 г. и А.С. Мадритов – В.Е. Флугу 25 апреля (8 мая) 1903 г. // Там же, л. 5-6; Доклад начальника штаба Квантунской области полковника В.Е. Флуга – Е.И. Алексееву 21 апреля (4 мая) 1903 г. // Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), ф. 14372 [штаб войск Квантунской области], оп. 1, д. 85, л. 216; Сведения об оружии, выданном А.С. Мадритову

Начальник Квантунской области Е.И. Алексеев пробовал протестовать, справедливо опасаясь явной политической окраски предприятия: оно могло «послужить предлогом к несправедливым суждениям о наших действиях», прежде всего, со стороны японцев.¹⁸ Его недовольство разделял С.Ю. Витте, однако министр иностранных дел В.Н. Ламздорф, к которому обратился Е.И. Алексеев, не только ничего не предпринял, но и попытался переложить всю ответственность на будущего наместника. В одиночку адмирал действовать не рискнул, зная, какую поддержку имели безобразовцы в Петербурге.

Действительно, столь странная «коммерческая» деятельность лесопромышленного товарищества немедленно получила широкую огласку и вызвала резкое недовольство в Японии всей политикой Петербурга на Дальнем Востоке, поддержанное Англией и США. В Токио подозревали, что таким образом готовится военная акция России в Корее. Реакция соседки была отчасти наигранной: еще в 1902 г. Япония направила на Ялу несколько десятков переодетых солдат для наблюдения за русскими, так что в общем там были в курсе происходящего.¹⁹ Конечно, наблюдение не снимало общей тревоги Токио за действия России. Тем более, что практически одновременно Петербург отказался продолжить эвакуацию Маньчжурии, первый этап которой завершился 26 марта 1903 г., предъявив Китаю целый набор дополнительных условий. В совокупности все это выглядело очень подозрительно: предположение об агрессивных намерениях России на Дальнем Востоке можно было без труда подкрепить серьезными аргументами.

Вместо решительных и энергичных действий, которые требовала неблагоприятно развивавшаяся ситуация, Николай II занимал осторожную и неоднозначную позицию. Поддерживая безобразовцев, он, тем не менее, не выполнял всех их предложений. Санкционировав в феврале 1903 г. задержку эвакуации Маньчжурии,²⁰ царь одновременно отложил посылку в устье р. Ялу «артелей» из переодетых солдат.²¹ И далее, до мая 1903 г., самодержец продолжал колебаться.

для «Товарищества на Ялу» к 4 (17) августа 1903 г. // Там же, л. 318. Несмотря на требование, «охранной страже» выдали только винтовки.

18 Е.И. Алексеев – В.Н. Ламздорфу 13 (26) марта 1903 г. // РГА ВМФ, ф. 32, оп. 1, д. 172, л. 10.

19 15 мая 1903 г. Ю. Комура получил сообщение японского консула в Нью-Джуане Сега-вы, что целями безобразовского предприятия является не подготовка войны, а коммерческая деятельность (заготовка леса, горные разработки) (Nish, *The Origins*, pp. 156-157).

20 А.Н. Куропаткин – В.Н. Ламздорфу 21 февраля (6 марта) 1903 г. // АВПРИ, ф. 143, оп. 491, д. 1519, л. 15.

21 Там же, л. 16-28. Обсуждение происходило в конце февраля – первой половине марта 1903 г.

«ПЕРИОД СОВЕЩАНИЙ»

Резкое усилившееся влияние безобразовцев вызвало обычную в таких ситуациях реакцию их оппонентов: у них появился мощный стимул объединиться для противостояния, несмотря на сохраняющиеся противоречия. Поэтому С.Ю. Витте, стремившийся вернуть себе господствующие позиции, получил поддержку не только В.Н. Ламздорфа, но и А.Н. Куропаткина. Сторону безобразовцев принял В.К. Плеве, но совсем не потому, что он разделял их представления о дальневосточных делах, а исключительно в интересах борьбы с С.Ю. Витте. На совещаниях 11 (24) января в МИД и 25 января (7 февраля) 1903 г. при участии четырех министров (В.Н. Ламздорф, С.Ю. Витте, А.Н. Куропаткин, Ф.К. Авелан) и ряда дипломатов говорилось о необходимости объединить усилия ведомств на восточной окраине, продолжить вывод русских войск из Маньчжурии, но в переговоры с Японией пока не вступать.²²

К началу марта 1903 г. усилия триумvirата С.Ю. Витте – В.Н. Ламздорф – А.Н. Куропаткин достигли определенного результата: Николай II принял решение отозвать А.М. Безобразова с Дальнего Востока, где он находился с конца декабря 1902 г., за его склонность к тайной деятельности. Последний их успех относится к Особому совещанию 26 марта (8 апреля) 1903 г., обсуждавшему судьбы лесопромышленного товарищества на Ялу. Безобразовцы намеревались создать на его основе частное общество по образцу Chartered Company (т.е., с политическими целями) при государственной поддержке.²³ Таким образом, их действия становились бы частью имперской политики на Востоке. Несмотря на открытое одобрение «лесопромышленников» Николаем II, большинство участников отказало безобразовцам в официальной поддержке, а их предприятие допускалось лишь как частное и чисто коммерческое. Кроме того, на совещании была подчеркнута необходимость действовать строго в рамках соглашений России со странами Востока.²⁴

Потерпев неудачу, сразу после совещания безобразовцы бросились в ответную атаку. Николай II некоторое время продолжал колебаться, но после обстоятельных разговоров с военным агентом России в Китае К.И. Вогаком и самим А.М. Безобразовым изменил свою позицию и од-

22 Симапский. События на Дальнем Востоке. С. 43-48; Глинский Б.Б (ред.) Пролог русско-японской войны. Материалы из архива графа С.Ю. Витте. Пг., 1916. С. 246-247, 269-275; Романов. Очерки дипломатической истории. С. 216-219. Министры намеревались тянуть время до завершения сооружения КВЖД, пока же они предполагали надавить на Китай, чтобы заставить Пекин закрыть Маньчжурию для иностранцев.

23 Проект доклада А.М. Абазы Особому совещанию, представленный В.К. Плеве // РГИА, ф. 1282 [канцелярия министра внутренних дел], оп. 1, д. 759, л. 102-105а.

24 Журнал Особого совещания 26 марта (8 апреля) 1903 г., составленный С.Ю. Витте // РГИА, ф. 560, оп. 28, д. 213, л. 99-103; Симапский. События на Дальнем Востоке. С. 79-85; Глинский. Пролог русско-японской войны. С. 277-282.

нозначно встал на их сторону. Важную роль сыграла записка К.И. Вогака «Значение договора 26 марта 1902 г. в развитии вопроса о Маньчжурии», в которой бывший военный агент в Китае рассматривал вывод войск исключительно как уступку со стороны России, угрожающую ее безопасности на Дальнем Востоке как в военных аспектах, так и из-за предполагаемого наплыва иностранцев в Северный Китай.²⁵ 6 мая 1903 г. А.М. Безобразов был назначен статс-секретарем (о чем он просил еще в 1900 г.), а К.И. Вогак стал генералом царской свиты. Оба эти назначения носили беспрецедентный характер и придавали главным деятелям «нового курса» официальный статус.

Усиление позиций безобразовской группы вызвало еще большую консолидацию ее противников. С.Ю. Витте, В.Н. Ламздорф и А.Н. Куропаткин в частном совещании сблизили свои позиции: С.Ю. Витте согласился не настаивать на открытии для иностранцев новых портов в Маньчжурии и отказался от требования отдать Русско-Китайскому банку таможню порта Нючжуан, А.Н. Куропаткин, в свою очередь, обязался вернуть Китаю телеграфную линию Порт-Артур – Мукден – Инкоу.²⁶

Реванш безобразовцев состоялся на Особом совещании 7 мая 1903 г.²⁷ Его участники были в основном те же и не изменили своих позиций, лишь Николай II тверже обозначил поддержку безобразовцам. Открыто возразить царю никто не осмелился. Этого оказалось достаточно, чтобы пересмотреть решения 26 марта в угоду «концессионерам». Победа безобразовцев на совещании 7 мая не явилась полной, они добились только разрешения расширить деятельность своего предприятия на р.Ялу и обещания финансовой поддержки от казны.²⁸ Но в тех условиях даже такой шаг вызывал сильнейшее волнение в Японии. С этим обстоятельством авторы «новой политики» не считались.

Другим итогом совещания 7 мая стало ослабление антибезобразовского триумвирата. Его участники погрузились в сепаратные интриги, заботясь, прежде всего, о сохранении и собственных портфелей. А.Н. Куропаткин решил сыграть на противоречиях А.М. Безобразова и С.Ю. Витте, сталкивая их лбами. Но делал он это крайне неубедительно, не до-

25 Записка К.И. Вогака // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. 543 [Царскосельский дворец], оп. 1, д. 183, л. 67-72. О деятельности К.И. Вогака более подробно говорится в докладе Х. Вада (H. Wada, "Study Your Enemy: Russian Military and Naval Attaches in Japan"), представленном на международном симпозиуме "World War Zero" (университет Кейо, Токио, 27-29 мая 2005 г.). К сожалению, пока он не опубликован, его нельзя цитировать.

26 Инструкция В.Н. Ламздорфа П.М. Лессару 25 апреля 1903 г. // ГАРФ, ф. 818 [Г.А. Плансон], оп. 1, д. 58, л. 1-3.

27 Отчет о совещании 7 мая 1903 г. и его журнал, составленные А.М. Безобразовым // РГИА, ф. 560, оп. 28, д. 213, л. 150-158.

28 Подробнее об Особом совещании 7 мая 1903 г. см.: Глинский. Пролог русско-японской войны. С. 283-287; Симанский. События на Дальнем Востоке. С. 90-92.

бившись в итоге расположения со стороны А.М. Безобразова.²⁹ Сам С.Ю. Витте надеялся договориться с А.М. Безобразовым путем уступок. Продолжая говорить об опасности безобразовского предприятия, министр финансов одновременно утверждал: «в душе не могу не согласиться, что он (А.М. Безобразов – И.Л.) прав» и обещал добыть желаемую им концессию на китайском берегу Ялу спустя некоторое время, когда возбуждение спадет.³⁰ Николай II как будто поддерживал предлагаемые министром финансов меры, но сторонам было невозможно достичь соглашения: С.Ю. Витте не желал терять своего влияния на дальневосточные дела, тогда как его оппоненты претендовали на полное господство там. На интриги не пошел лишь В.Н. Ламздорф, поставив 28 мая 1903 г. вопрос о своей отставке в знак протеста против вторжения посторонних в сферу компетенции Министерства иностранных дел (планировалась передача ряда дипломатических функций Е.И. Алексееву).³¹ Однако Николай II не принял отставки, а сервильный министр смирился со своим новым положением и выразил готовность действовать в интересах безобразовцев и исполнять то, что ему будет указано.³² В итоге он сохранил за собой пост, но в деятельности министерства произошли разительные перемены. Российские дипломаты на Дальнем Востоке были обязаны обращаться с донесениями и за получением указаний к Е.И. Алексееву. Новый порядок подчинения сразу же обернулся хаосом. Кроме того, для российских посланников в Сеуле, Пекине и Токио не было секретом, что представления о необходимых действиях Е.И. Алексеева и В.Н. Ламздорфа сильно расходятся. Благодаря перераспределению рычагов власти на Дальнем Востоке во второй половине 1903 г. вокруг Е.И. Алексеева сложился центр управления внешней политикой России в регионе, чье направление отличалось от курса МИДа.

Будущий наместник был одной из немногих влиятельных персон, кто реально сблизился с безобразовцами.³³ Произошло это, вероятно, в

29 А.М. Безобразов писал А.М. Абазе, что чисто внешне у него с военным министром дружеские отношения, «но по существу, понятно, отношение собаки к палке» (А.М. Безобразов – А.М. Абазе 1 (13) июля 1903 г. // РГИА, ф. 892, оп. 3, д. 126, л. 121).

30 И.Я. Коростовец – Е.И. Алексееву 9 мая 1903 г. // РГА ВМФ, ф. 32, оп. 1, д. 163, л. 15 об.

31 Источник. 1999. № 2. С. 38-39. 16 мая Николай II распорядился, чтобы отныне все телеграммы по Дальнему Востоку посылались через Е.И. Алексеева (Записка В.Н. Ламздорфа 16 (29) мая 1903 г. с резолюцией Николая II // ГАРФ, ф. 568 [В.Н. Ламздорф], оп. 1, д. 179, л. 35-36).

32 Два письма А.М. Безобразова Николаю II 29 мая (11 мая) 1903 г. // Русско-японская война: из дневников А.Н. Куропаткина и Н.П. Линевица. Л., 1925. С. 141-142.

33 С.Ю. Витте утверждал, что А.М. Безобразов «можно сказать, назначил наместником Дальнего Востока Алексеева», оно состоялось «по его инициативе и по его представлению» (Из архива С.Ю. Витте. Т. 1. Рассказы в стенографической записи. Кн. 1. СПб., 2003. С. 519). Известие о своем назначении во главе объединенного управления

конце марта 1903 г., после его неудачного противодействия им по вопросу о деятельности лесопромышленного товарищества. Далее между ними конфликты уже не возникали. У Е.И. Алексеева с безобразовцами была общая установка: ничего не уступать японцам на Дальнем Востоке, тем не менее, полностью отождествлять их позиции, как это сделал С.Ю. Витте («вполне заодно»), нет оснований.³⁴ Е.И. Алексеева не очень беспокоила судьба Кореи. Он лишь полагал опасным допускать там свободу действий, так как она «вселил в японцах мысль о нашей слабости».³⁵ Признавая «важность» безобразовского предприятия, Е.И. Алексеев тем не менее, никогда не ставил его в центр всей дальневосточной политики России. На первом месте у него находилась Маньчжурия.³⁶

Важную роль в разработке российской политики на Дальнем Востоке играл барон Р.Р. Розен, вновь назначенный посланником в Токио в середине 1902 г. Сторонник жесткой позиции по отношению к Японии, он полагал, что Токио не осмелится начать войну.³⁷ Р.Р. Розен даже вывел формулу: риск наступления кризиса обратно пропорционален твердости России.³⁸ По его мнению, Петербургу следовало быть пассивным в Корее и никак не связывать действия в королевстве и в Северном Китае.³⁹ Барон был уверен: «Соглашение с Японией может состояться лишь совершенно в стороне от маньчжурского вопроса, на почве взаимных уступок в виде разграничения обоюдных сфер интересов в Корее, а отнюдь не на почве раздела Кореи с отдачей южной ее части Японии в виде компенсации за Маньчжурию».⁴⁰ Все это не вызывало возражений у Николая II. Однако соображения Р.Р. Розена, как бы привлекательно они не выглядели, не учитывали ряд проблем. Он, по-видимому, даже не допускал мысль, что японское руководство могло бы не удовлетвориться половиной Кореи. Препятствием замыслу дипломата также являлся англо-японский союз, заключенный в январе 1902 г. Р.Р. Розен наивно полагал, что его предложение перевесит для Токио интересы альянса с Лондоном, сильно

Дальним Востоком «по всем ведомствам» Е.И. Алексеев получил от Николая II 2 (15) мая 1903 г. (РГИА, ф. 560, оп. 28, д. 213, л. 132).

34 Глинский. Пролог русско-японской войны. С. 257-258.

35 Е.И. Алексеев – в МИД 6 (19) июля 1903 г. // АВПРИ, ф. 150 [Японский стол], оп. 493, д. 188, л. 89.

36 Е.И. Алексеев – Николаю II 21 мая (3 июня) 1903 г. // АВПРИ, ф. 138 [секретный архив министра иностранных дел], оп. 467, д. 205, л. 40-42.

37 Дипломат был удивлен твердости Японии, он объяснял ее воодушевлением после заключения союза с Англией в январе 1902 г. (Р.Р. Розен – Е.И. Алексееву 24 августа (6 сентября) 1903 г. // РГА ВМФ, ф. 32, оп. 1, д. 485, л. 143-145).

38 Р.Р. Розен – Е.И. Алексееву 25 июня (8 июля) 1903 г. // Там же, л. 132.

39 Однако Р.Р. Розен признавал полезным поддерживать видимость такой увязки для японцев (Р.Р. Розен – Е.И. Алексееву 20 июня (3 июля) 1903 г. // Там же, л. 130-131).

40 Р.Р. Розен – в МИД 20 июня (3 июля) 1903 г. // АВПРИ, ф. 150, оп. 493, д. 188, л. 65 об. – 66.

переоценивая привлекательность своей комбинации для Японии. В общем, рассуждения российского посланника выглядели интересно и даже красиво, но только на бумаге.

Придя к власти, безобразовцы более внятно определили свое отношение к Корее. Вопреки легендам, летом 1903 г., еще до начала переговоров с Японией, они, в сущности, выступали за размен Кореи на Маньчжурию («подарив Корею японцам, объявить в дальнейшем будущем, что мы остаемся в Маньчжурии»), при этом от Японии требовалась не возводить на полуострове военных укреплений.⁴¹ Тем не менее, безобразовцы продолжали активно развивать деятельность своего товарищества на Ялу. Так же, как и С.Ю. Витте в конце 1902 г., А.М. Безобразов в августе 1903 г. выступал с позиции охраны российских границ, ни о какой экспансии за пределами Маньчжурии речь не шла. И так же, как С.Ю. Витте, он избрал для этого экономические, а не силовые средства, уповав прежде всего на КВЖД и Русско-Китайский банк.⁴²

Тем не менее, эта точка зрения, ставшая господствующей в позиции России, не учитывала важнейшие обстоятельства. Помимо мнения Токио, о котором уже говорилось, нельзя было делать вид, что Маньчжурия – лишь предмет русско-китайских отношений. О своих интересах в Северном Китае заявляли и другие державы, прежде всего, США и Англия.

Договориться с США было проще, чем с Англией: американцев интересовала прежде всего свобода коммерческой деятельности в Китае. Ради своей доктрины «открытых дверей» заокеанское руководство закрывало глаза на ряд частностей. Госсекретарь Д. Хэй с пониманием относился к политике России в Маньчжурии и признавал ее первенствующие интересы ее в Северном Китае. Проблема состояла прежде всего в том, что на уступки американцам категорически не хотели идти некоторые деятели, прежде всего, Е.И. Алексеев, настаивавший на закрытости Маньчжурии для иностранцев.⁴³ А.П. Кассини предупреждал Петербург, что противодействие интересам США толкает Вашингтон к союзу с Лондоном и Токио «в надежде, что этим путем им удастся осуществить свои вожеления». Лишь обещания российских дипломатов содействовать американской торговле в Маньчжурии удерживало Белый дом, по мнению А.П. Кассини, от такого шага. Посол полагал, что для удовлетворения американцев следует открыть для иностранцев один или два порта в Маньчжурии.⁴⁴ Вместо этого Петербург фактически принял позицию будущего

41 А.М. Абаза – Николаю II 14 (27) июня 1903 г. // ГАРФ, ф. 543, оп. 1, д. 183, л. 20-23.

42 А.М. Безобразов – Николаю II 8 (21) августа 1903 г. // Там же, л. 90-91.

43 Несмотря на то, что Е.И. Алексеев с трудом, но признавал неизбежность открытия для иностранцев портов в Маньчжурии, он полагал, что это следует сделать лишь по завершении переговоров России с Китаем, то есть, откладывал это на неопределенное время (телеграммы Е.И. Алексеева 6 (19) и 9 (23) июня 1903 г. // АВПРИ, ф. 143, оп. 491, д. 3171, л. 27-28).

44 Депеша А.П. Кассини в МИД 4 (17) июня 1903 г. // Там же, л. 16-19.

наместника. Узнав о том, что мнение Е.И. Алексеева доминирует, Д. Хэй сильно встревожился. За пять лет А.П. Кассини не видел его ни разу настолько возбужденным, упрекающим Россию в неискренности. Дипломату с трудом удалось успокоить государственного секретаря, заявив, что Россия готова открыть маньчжурские города для иностранной торговли, за исключением Харбина.⁴⁵ Аналогичное заверение было сделано 1 июля 1903 г. Р.Р. Розеном в Токио.

В целом, к середине 1903 г. в российском руководстве выявилось несколько точек зрения на политику империи на Дальнем Востоке. С.Ю. Витте и В.Н. Ламздорф выступали за уступку Кореи и вывод русских войск из Маньчжурии. Однако их позиция не являлась доминирующей. Все больший вес получало мнение безобразовцев и Е.И. Алексеева: Японии можно отдать пол-Кореи, Маньчжурию эвакуировать не следует, наоборот, необходимо закрепить ее за собой.⁴⁶ Промежуточную позицию занимал А.Н. Куропаткин: поддерживая необходимость пассивной политики и уступок, он, тем не менее, полагал возможным ограничиться захватом Северной Маньчжурии.

Разногласия во мнениях и неясное место безобразовского предприятия в русской политике стали предметом совещания в Порт-Артуре, проходившего 18-28 июня 1903 г. с участием в основном российских чиновников, служивших на Дальнем Востоке. Из министров на нем присутствовал лишь вернувшийся после поездки в Японию А.Н. Куропаткин. Несмотря на бурные и продолжительные обсуждения, А.М. Безобразову не удалось добиться принятия желаемых им решений: участники признали за лесным предприятием лишь коммерческий характер. Единство наступило лишь при разработке пунктов дополнительных условий к Китаю. Все 10 требований Пекину вращались вокруг того, чтобы не допустить сколько-нибудь заметного влияния иностранцев в Маньчжурии и закрепить там за русскими ряд преимуществ, прежде всего, в добыче полезных ископаемых.⁴⁷

Решения, принятые в Порт-Артуре, не совсем удовлетворили Николая II и он созвал 1 августа еще одно совещание – на сей раз в Петербурге – из трех министров, военного, финансов и иностранных дел, для ответа на три вопроса: следует ли присоединить Маньчжурию к России, выполнять ли договор 26 марта 1902 г. о выводе войск и связывать ли маньчжурский и

45 Дешеш А.П. Кассини в МИД 18 июня (1 июля) 1903 г. // Там же, л. 43-47; депеша Ганзена (замещал А.П. Кассини на время отпуска) 1 (14) июля 1903 г. // Там же, л. 62-63.

46 Относительно Кореи у безобразовцев и Е.И. Алексеева можно встретить разные суждения, в том числе и противоречащие друг другу. В общем их позицию можно интерпретировать так: они были готовы уступить без существенных оговорок южную часть королевства, на севере же – только экономическую деятельность, без военного присутствия. Бассейн Ялу они считали «своим» благодаря концессии Бринера.

47 Симанский. События на Дальнем Востоке. С. 116-123, 129-130.

корейский вопросы. А.Н. Куропаткин, неоднократно выдвигавший идею аннексии Северной Маньчжурии, на сей раз поддержал решение – не захватывать китайской территории. Однако сановники также признали, что и выполнение договора 26 марта 1902 г. невозможно. Несмотря на то, что судьба безобразовского предприятия специально не обсуждалась, его деятельность была расценена резко отрицательно: оно выглядело не столько оборонительным заслоном, сколько поводом к войне.⁴⁸ Осудив его, министры фактически вернулись к результатам совещания 26 марта.⁴⁹ Требования же к Китаю, принятые в Порт-Артуре, были сокращены наполовину.

Казалось, что в Петербурге произошел переворот: реальная власть на Дальнем Востоке вернулась к министрам. Но В.Н. Ламздорф поторопился, сообщив решения совещания 1 (14) августа Е.И. Алексееву как уже одобренные Николаем II (то есть, Е.И. Алексееву следовало лишь принять их к сведению, а на его усмотрение отдавался один вопрос – о размещении выводимых из Маньчжурии войск в полосе отчуждения КВЖД).⁵⁰ Однако в последующие несколько дней все изменилось. Уже 18 (31) августа В.Н. Ламздорф уточнил, что итоги совещания посланы наместнику «на заключение».⁵¹ Е.И. Алексеев, явно лучше ориентировавшийся в ситуации, ответил не министру, а императору. Он не согласился с большей частью выводов, сделанных 1 августа, заявив о том, что надо восстановить ряд требований к Китаю, шире поставить защиту русских интересов в Маньчжурии. В завершение он не без ехидства подчеркнул, что признает безобразовское предприятие на Ялу «делом, вполне заслуживающим того высокого покровительства, благодаря которому оно получило нынешнее развитие». Даже ослабление его деятельности нанесет ущерб русскому делу в Маньчжурии.⁵² Получалось, что министры идут наперекор царской воле да еще и с заведомо проигрышным итогом – так их позицию изобразил наместник.

Николай II, по-видимому, некоторое время колебался. Об этом свидетельствует его монолог А.Н. Куропаткину 19 августа (1 сентября), «что много думал. Что и ему приходит в голову мысль, что он мог и неправильно решить вопрос о наместничестве. Но что же делать? Теперь так или иначе, вопрос этот решен и с этим надо всем считаться».⁵³ Кроме того,

48 Журнал совещания 1 (14) августа 1903 г. // РГВИА, ф. 165 [А.Н. Куропаткин], оп. 1, д. 915, л. 7-18; *Симанский*. События на Дальнем Востоке. С. 137-140.

49 С.Ю. Витте, несмотря на оптимистический настрой по результатам совещания, полагал, что предприятие на Ялу для них неприкосновенно (С.Ю. Витте – В.Н. Ламздорфу 4 (17) августа 1903 г. // ГАРФ, ф. 568, оп. 1, д. 381, л. 260-260 об.).

50 В.Н. Ламздорф – Е.И. Алексееву 12 (25) августа 1903 г. // РГА ВМФ, ф. 32, оп. 1, д. 133, л. 44.

51 В.Н. Ламздорф – Е.И. Алексееву 18 (31) августа 1903 г. // Там же, л. 45.

52 Е.И. Алексеев – Николаю II 23 августа (5 сентября) 1903 г. // Там же, д. 123, л. 46-47.

53 Дневник А.Н. Куропаткина. С. 69. Запись 19 августа 1903 г.

подоплеку решения трех министров «разъяснил» самодержцу А.М. Безобразов: это ведомственная оппозиция Е.И. Алексееву, а по сути – противодействие решению Николая II создать наместничество, организованное министром финансов. Это же он сообщил Е.И. Алексееву, добавив, что заключение совещания «в глазах государя значения не имеет».⁵⁴ Действительно, самодержец после обмена мнениями с Е.И. Алексеевым утвердил журнал совещания 1 (14) августа только в отношении Маньчжурии, но не приказал его исполнить.⁵⁵ Тем не менее, Николай II, согласился с А.Н. Куропаткиным, что деятельность самого А.М. Безобразова, который был прав два года назад, критикуя курс С.Ю. Витте, теперь уже не приносит той пользы и его следует удалить («знаю, надо выбросить его»)⁵⁶. А.М. Безобразов, конечно, не был отставлен, но его влияние на дальневосточные дела осенью 1903 г. несомненно уменьшилось по сравнению с первой половиной 1903 г.⁵⁷ Впрочем, сам он сконцентрировал внимание на «экономических» вопросах, составляя проекты реорганизации управления дальневосточными предприятиями России и меньше вмешиваясь во внешнеполитические вопросы.

Очевидно, что попытка В.Н. Ламздорфа подчинить наместника умеренным директивам из Петербурга не удалась.⁵⁸ 1 сентября А.М. Безобразов сообщил Е.И. Алексееву о распоряжении Николая II, чтобы посланник России в Пекине придерживался исключительно указаний наместника и ехал к нему с докладом по первому требованию.⁵⁹ Аналогичные предписания получили российские дипломаты в Токио и Сеуле («беспрекос-

54 А.М. Безобразов – Е.И. Алексееву 26 августа (8 сентября) 1903 г. // РГА ВМФ, ф. 32, оп. 1, д. 123, л. 48-49.

55 РГИА, ф. 1622 [С.Ю. Витте], оп. 1, д. 718, л. 27.

56 Дневник А.Н. Куропаткина. С. 69. Запись 19 августа 1903 г.

57 Падение влияния А.М. Безобразова было, по-видимому, также связано с его неуместным вмешательством в военные дела и резкой полемикой с А.Н. Куропаткиным. А.М. Безобразов советовал военному министру перебросить деньги, к примеру, со строительства принаровских дорог на Дальний Восток, отменил (!) военные маневры в Варшавском округе и отправил на средства, выделенные на их проведение, две бригады к Тихому океану. Николай II не вмешивался и делал вид, что ничего не знает. Логичным выходом из ситуации стала бы отставка самого А.Н. Куропаткина и она, как будто, была в те дни – начала августа 1903 г. – в принципе решена (Дневник А.Н. Куропаткина. С. 56-59. Встреча самодержца с ним состоялась 2 (15) августа). Однако военный министр удержался: царь, по-видимому, все-таки не доверился «военным талантам» своего советчика. А.М. Безобразов остался неудовлетворен и в начале сентября опять намеревался поставить вопрос ребром: он либо военный министр, который постоянно старается укунить» его (А.М. Безобразов – В.К. Плеве 4 (17) сентября 1903 г. // РГИА, ф. 1282, оп. 1, д. 760, л. 75-76).

58 Телеграмма В.Н. Ламздорфа Е.И. Алексееву 16 (29) июня 1903 г. // РГА ВМФ, ф. 32, оп. 1, д. 484, л. 2.

59 РГИА, ф. 560, оп. 28, д. 213, л. 227 об.

ловно выполнять все предназначения наместника»). Влияние графа на дальневосточные дела стало до такой степени ничтожным, что Министерству иностранных дел в это время сообщались лишь копии некоторых (!) телеграмм, касающихся уже начавшихся русско-японских переговоров. Можно сказать, что внешнеполитическое ведомство было вообще на некоторое время отстранено от политики на Дальнем Востоке. Один из дипломатов констатировал в октябре 1903 г.: «Работы у нас немного, так что даже при нашем очень ограниченном составе мы легко справляемся. Министерство продолжает черпать сведения о происходящих на Д[альнем] Востоке событиях из телеграмм агентств и, по-видимому, эта оскорбительная, на мой взгляд, не лишенная трагикомизма новая эра в его существовании грозит продлиться. ... Во всяком случае, приходится признать, что м[инистерств]во окончательно потеряло голос в этом деле».⁶⁰

Поражение «триумvirата» в августе 1903 г. стало для него последним. Главным виновником сопротивления «новой политике» был признан С.Ю. Витте, это и послужило причиной его внезапной отставки, о которой министр узнал на всеподданнейшем докладе 15 августа. Пошатнулись кресла и под двумя другими участниками совещания: А.Н. Куропаткиным и В.Н. Ламздорфом. Казалось, что их уход – дело также решенное. Однако царь, верный принципу не принимать всецело чью-либо сторону, выжидал. К тому же одновременное удаление трех ключевых министров напоминало правительственный кризис и могло вызвать нежелательные последствия. Тем не менее, их влияние заметно ослабло, а большинство рычагов управления ситуацией оказалось в руках безобразовцев и Е.И. Алексеева. Отставка С.Ю. Витте сопровождалась реорганизацией ведомства: безобразовцы планировали забрать из Министерства финансов управление железными дорогами, пограничной стражей, учебными заведениями, а также главными инструментами в проведении дальневосточной политики – КВЖД и Русско-Китайским банком, а также важнейшими концессиями Маньчжурского горнопромышленного товарищества, прежде всего, фушуньскими угольными копями – то есть, все то, что относилось к Дальнему Востоку и получило название «империи Витте».⁶¹ В таких условиях – смены руководителей дальневосточной политики России – стартовали русско-японские переговоры.

60 К.Д. Набоков – П.Л. Ваксело 3 (16) октября 1903 г. // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ), ф. 123 [П.Л. Ваксель], оп. 1, № 318, л. 14 об.

61 Дневник А.Н. Куропаткина. С. 65. Запись 18 августа 1903 г. Об этом также: Романов Б.А. Россия в Маньчжурии (1892-1906). Очерки по истории внешней политики самодержавия в эпоху империализма. Л., 1928. С. 446. А.М. Безобразов предполагал оставить Министерству финансов лишь охрану интересов казны, но никак не руководство политикой (записка А.М. Безобразова 11(24) ноября 1903 г. // РГИА, ф. 892, оп. 3, д. 126, л. 156-164). Реорганизовывать чего-либо еще он не собирался, поэтому прямо заявил А.И. Путилову о своем желании, «чтобы люди, которые занимались у Вас делами Д[альнего] Востока, переменили только свои клички и комнаты, но оста-

НАЧАЛО РУССКО-ЯПОНСКИХ ПЕРЕГОВОРОВ

Инициатива переговоров, можно сказать, исходила от обеих сторон. В Токио предполагали вернуться к инициативе Х. Ито, представленной им в Петербурге в конце 1901 г., то есть рассмотреть возможность размена Маньчжурии на Корею. В свою очередь, В.Н. Ламздорф резонно считал, что присоединение Маньчжурии к России, за что выступал Е.И. Алексеев, увеличивает риск столкновения с Японией и с ней следует договориться. Его также тревожили слишком активные действия безобразовцев в Корее.

16 мая министр предложил Николаю II прозондировать в Токио возможности соглашения России с Японией. Царь одобрил идею, и В.Н. Ламздорф уже 17 (30) мая уполномочил Р.Р. Розена искать договоренностей по Корее.⁶² Посланник сообщил, что для этого необходимо отказаться от ведения активной политики в королевстве. В.Н. Ламздорф подхватил мысль (ведь она обещала положить конец безобразовскому предприятию), выразив готовность не мешать невоенной деятельности Японии в Южной и Центральной Корее.⁶³ Однако министра ждал неприятный сюрприз: Николай II предложил вести переговоры Е.И. Алексеву.⁶⁴ Наместник же являлся принципиальным противником соглашения с Японией: он полагал невыгодным для России обменять Южную Корею на Маньчжурию, предпочитая пассивно ждать, пока Япония не займет часть королевства силой, чтобы появился повод для протеста.⁶⁵

Первый шаг сделала Япония – по поручению Токио посланник в Петербурге С. Курино обратился к В.Н. Ламздорфу с предложением начать обмен мнениями по Дальнему Востоку.

ПЕРВЫЙ РАУНД ПЕРЕГОВОРОВ

После непродолжительной дискуссии с Токио Петербург избрал специфический порядок обмена мнениями. Сами переговоры по решению

вались при тех же делах» (А.И. Путилов – С.Ю. Витте 20 сентября (2 октября) 1903 г. // РГИА, ф. 1622, оп. 1, д. 693, л. 2 об.).

62 АВПРИ, ф. 143, оп. 491, д. 1519, л. 133, 139 об.

63 ГАРФ, ф. 568, оп. 1, д. 179, л. 177-179, 180.

64 Телеграмма В.Н. Ламздорфа Е.И. Алексеву 16 (29) июня 1903 г. // РГА ВМФ, ф. 32, оп. 1, д. 484, л. 2. Царь сообщил об этом японскому посланнику С. Курино, добавив, что наместнику поручено также составление контрпредложений (телеграмма В.Н. Ламздорфа – Е.И. Алексеву 13 августа 1903 г. // Там же, л. 5).

65 Е.И. Алексеев – Р.Р. Розену 17 (30) июня 1903 г. // Там же, д. 156, л. 7; Е.И. Алексеев – Николаю II 6 июля 1903 г. // РГА ВМФ, ф. 32, оп. 1, д. 134, л. 13. Р.Р. Розен также не приветствовал идею переговоров, считая затруднительным разделить корейский и маньчжурский вопросы, а корень русско-японских разногласий он ошибочно усматривал в Маньчжурии, а не в Корее.

Николая II вел в Токио Р.Р. Розен. Все японские предложения и ответы он посылал в Петербург, а также в Порт-Артур Е.И. Алексееву. В столице в суть дела посвящались министр иностранных дел В.Н. Ламздорф, военный министр А.Н. Куропаткин, морской министр Ф.К. Авелан, безобразовец А.М. Абаза, который руководил канцелярией Особого комитета Дальнего Востока,⁶⁶ и, разумеется, сам царь. После обсуждения запрашивалось мнение Е.И. Алексеева и лишь затем утверждалась окончательная инструкция для действий Р.Р. Розена. Такой порядок был весьма неудобен, а главное, он требовал значительного времени для согласования заметно отличавшихся позиций Петербурга и Порт-Артура. Кроме того, он еще и менялся: влияние наместника постепенно уменьшалось, а В.Н. Ламздорфа – увеличивалось. В итоге японцы использовали эту медлительность как повод для прекращения переговоров. Они подсчитали, что с момента передачи условий Токио до получения первого русского ответа прошло 52 дня.⁶⁷ Не оправдывая Токио, надо признать, что для стороннего наблюдателя, если он не знал всю «кухню» принятия решений, такое поведение России проще всего объяснялось желанием затянуть время, чтобы лучше подготовиться к войне.

30 июля С. Курино передал В.Н. Ламздорфу японские предложения. В их основе лежала идея обмена Кореи на Маньчжурию, причем обмена неравноценного. За Россией Япония признавала только специальные железнодорожные интересы, тогда как сама хотела действовать в Корее практически без ограничений. Конечно, для соблюдения приличий в первой же статье подтверждалась «независимость» и «целостность» Китая и Кореи.⁶⁸

Реакция всего российского руководства, в том числе и В.Н. Ламздорфа, была дружно негативной и даже эмоциональной: притязания Японии расценивались как наглость. О передаче японских предложений Е.И. Алексееву и Р.Р. Розену для подготовки ответа В.Н. Ламздорф сообщил С. Курино 27 августа (9 сентября). На это понадобился почти месяц: он был представлен 20 сентября (3 октября), прежде всего, из-за нового порядка (а точнее, беспорядка) ведения дальневосточной политики.

Превосходно Николай II «повелел вести дела так, как хочет Алексеев». Наместник же настаивал на жестком курсе в отношении Японии, по-прежнему отказываясь увязывать корейский и маньчжурский вопросы, а также уступать ей всю Корею. Он не собирался ликвидировать безобразовское предприятие на Ялу, полагая, что оно не знаменует собой активную политику России в Корее. Наместник требовал от Токио объ-

66 Особый комитет Дальнего Востока был учрежден вместе с наместничеством. Он задумывался как необходимая инстанция между наместником и ведомствами. В число его членов входили министры, председателем являлся царь. Однако за 1903-1905 гг., пока существовало наместничество, он так и не собирался ни разу.

67 S. Okamoto, *The Japanese Oligarchy and the Russo-Japanese War* (N.Y., 1970), p. 80.

68 Симанский. События на Дальнем Востоке. С. 153.

явить Маньчжурию вне сферы японских интересов, соглашаясь признать в ответ только торговые права Японии там.⁶⁹ Позиция Е.И. Алексеева казалась излишне бескомпромиссной. Даже Р.Р. Розен, также склонный придерживаться твердой линии, полагал, что она не примет условий адмирала.

Русский ответ, представленный в Токио Р.Р. Розеном 20 сентября (3 октября), отразил в основном взгляды наместника и строился на разведении корейского и маньчжурского вопросов. Его основной смысл состоял в предложении обменять Корею на полный отказ Японии от всяких действий в Маньчжурии. При этом возможности Японии на полуострове ограничивались: от Токио требовали обязательства не укреплять Корейский пролив, а также установить нейтральную полосу, свободную от войск, севернее 39 параллели. Последняя идея принадлежала Е.И. Алексееву.⁷⁰ Русский ответ был рассмотрен японским руководством уже 22 сентября (5 октября), за этим последовало обсуждение разногласий в двух вариантах между С. Комурой и Р.Р. Розеном. Оптимизм Генро относительно исхода переговоров сильно уменьшился.⁷¹ Японцы постоянно торопили переговоры.⁷²

ВТОРОЙ РАУНД

За время ожидания японского ответа в российской политике произошли важные изменения. Чрезмерная твердость Е.И. Алексеева, оставлявшая совсем мало шансов на успех переговоров, встревожила Николая II. 22 сентября (т.е. сразу после отправки русского ответа в Токио) наместнику была послана телеграмма с утверждением, что проникновение Японии в южную и центральную части Кореи только ослабит агрессора, а не явится поводом к началу войны: «в этом случае нам не следует горячиться, а напротив того, избегать всего, что могло бы вызвать столкновение».⁷³ Е.И. Алексеев же был готов атаковать японскую армию в случае ее высадки на корейском берегу.⁷⁴ Наместник полагал, что схватка неизбежна, поэтому лучше нанести удар первыми. Он уже отдал распоряжение готовить тихоокеанскую эскадру к покраске в боевой цвет.⁷⁵ Однако в ответ на

69 Е.И. Алексеев – Р.Р. Розену 30 и 31 августа (12 и 13 сентября) 1903 г. // РГА ВМФ, ф. 32, оп. 1, д. 156, л. 9-10; Симанский. События на Дальнем Востоке. С. 155-156, 165.

70 Симанский. События на Дальнем Востоке. С. 158-159.

71 Okamoto, *The Japanese Oligarchy*, p. 97.

72 Симанский. События на Дальнем Востоке. С. 174-175.

73 АВПРИ, ф. 138, оп. 467, д. 205, л. 68.

74 Дневник А.Н. Куропаткина. С. 93. Запись 14 октября 1903 г.; Малиновая книга. Документы по переговорам с Японией, хранящиеся в канцелярии Особого комитета Дальнего Востока. (На правах рукописи). СПб., 1905. С. 19-23.

75 Бок Б.И. Завтрак у наместника // Порт-Артур. Воспоминания участников. Нью-Йорк, 1955. С. 22-25.

предложение Е.И. Алексеева объявить Японии войну царь настоял, чтобы В.Н. Ламздорф составил от его имени телеграмму в Порт-Артур в самых категорических выражениях: «не желаю», «не допущу» войны. Николай II подписал ее, не смягчив резких фраз.⁷⁶ В конце октября самодержец также запретил Е.И. Алексееву объявлять мобилизацию русской армии в регионе, оставив это право за собой, и разрешил В.Н. Ламздорфу вновь давать указания русским дипломатам на Дальнем Востоке.⁷⁷ После таких «успокоительных мер» наместник стал вести себя осторожнее и предупредительнее. Так, он был против возвращения русских войск в Мукден, которое произошло в середине октября 1903 г. помимо его желания.⁷⁸ По-видимому, за возобновлением оккупации стоял А.Н. Куропаткин, который 15 октября 1903 г. вновь представил записку с предложением присоединить Северную Маньчжурию.⁷⁹ Инициатива министра принята не была, на сей раз он получил выговор от царя за предыдущие действия военных: «В Маньчжурии не могло быть восстановлено спокойствие, ибо мы сами систематически тому мешали. Мы уничтожили китайскую власть, не устроив свою. Вместо политики дружеской, основанной на доверии, мы возбудили полное недоверие к нам – не только в китайцах, но во всех европейцах. Попросту мы с самого начала военных действий тайно имели в виду захватить Маньчжурию – так вели дело все наши большие и малые военачальники. Мы все время кривили душою. Сам военный министр в заседаниях заявлял, что нам выгодно, чтобы в Маньчжурии были смуты, ибо в таком случае мы оттуда не выйдем».⁸⁰ Высочайшая отповедь не повлияла на взгляды военного министра, который и дальше выступал за присоединение Северной Маньчжурии. Но эта линия не стала доминирующей в российской политике.

Николай II, несмотря на симпатии безобразовцам и Е.И. Алексееву, не разделял полностью ни одной точки зрения. Неизменным было только его стремление сохранить мир и избежать военного конфликта.

В японском ответе, представленном Р.Р. Розену 18 (31) октября 1903 г., российские предложения были в основном отвергнуты. Токио соглашался признать «специальные права» России в Маньчжурии, отказавшись от своих «специальных интересов». Взамен Петербургу следовало согласиться на неограниченное доминирование Токио в Корее, за это за российскими подданными обещалось сохранить права по уже имеющимся договорам относительно поселений и торговли. Единственной реальной

76 Дневник А.Н. Куропаткина. С. 93. Запись 14 октября 1903 г.

77 Там же. С. 95-96.

78 Симанский. События на Дальнем Востоке. С. 171.

79 Записка А.Н. Куропаткина «По маньчжурскому вопросу» 15 (28) октября 1903 г. с пометами Николая II // РГИА, ф. 1282, оп. 1, д. 761, л. 124-146.

80 Помета Николая II на записке А.Н. Куропаткина «По маньчжурскому вопросу» 15 (28) октября 1903 г. // Там же, л. 126.

уступкой стало обязательство не укреплять берега Корейского залива.⁸¹ Диспропорция возможностей и прав России в Маньчжурии и Японии в Корее сохранялась. Несмотря на то, что шаг навстречу России был весьма незначителен, тем не менее, позиция Токио в общем давала некоторые основания полагать, что Япония не будет стоять насмерть за Маньчжурию и интересы иностранцев там, а может ограничиться только своими желаниями.⁸² Это обстоятельство сохраняло надежды на продолжение переговоров. Однако Петербург не обратил на это внимание, а сосредоточился на том, как избежать принятия на себя любых обязательств, касающихся Маньчжурии.⁸³ Вероятно, это решение оказалось ошибочным.

Несмотря на отрицательный итог первого раунда и явно различавшиеся желания сторон, Николай II предписал продолжать переговоры «и установить примирительную формулу для соглашения, отнюдь не отказываясь от дальнейших наших требований».⁸⁴ Непонятно, как можно было реализовать царскую установку. Впрочем, Е.И. Алексеев и не прилагал к этому усилий, считая невозможной замену формулировок и отстаивая лишь собственную установку: исключить Маньчжурию из соглашения.⁸⁵ Активность в переговорах исходила в основном от Р.Р. Розена. В октябре 1903 г. посланник забеспокоился, уловив ухудшение отношения японских верхов к переговорам с Россией.⁸⁶ Важно то, что с этого момента наблюдается заметное расхождение позиций в связке Розен-Алексеев: если посланник в Токио продолжал искать приемлемые формулировки соглашения, то его патрон в Порт-Артуре, кажется, совсем отказался от этого.

Для России самым неприемлемым пунктом казалась увязка корейского и маньчжурского вопросов. Р.Р. Розен предложил искать другой выход: полную замену формулировок. Например, на взаимный отказ от Маньчжурии и Кореи как не входящих в сферы интересов сторон.⁸⁷ Несмотря на то, что Токио отверг ст. 7 русских предложений (Маньчжурия находится вне сферы японских интересов), Р.Р. Розен полагал, что японцы колеблются и что размен Кореи на Маньчжурию является для них соблазнительным.⁸⁸ Идея выглядела заманчивой, но было непонятно, что могло заставить Японию отказаться от Маньчжурии. Дело было не столько в самой Маньчжурии, сколько в том, что Токио искал в борьбе за права иностранцев там оправдание и поддержку своим требованиям в Корее.

81 Симанский. События на Дальнем Востоке. С. 175-176.

82 Романов. Очерки дипломатической истории. С. 244-245.

83 Симанский. События на Дальнем Востоке. С. 178.

84 В.Н. Ламздорф – Е.И. Алексееву 25 октября (7 ноября) 1903 г. // РГА ВМФ, ф. 32, оп. 1, д. 484, л. 10.

85 Симанский. События на Дальнем Востоке. С. 178.

86 Р.Р. Розен – Е.И. Алексееву 12 (25) октября 1903 г. // РГА ВМФ, ф. 32, оп. 1, д. 485, л. 174.

87 Р.Р. Розен – Е.И. Алексееву 26 ноября (9 декабря) 1903 г. // ГАРФ, ф. 568, оп. 1, д. 180, л. 67-68.

88 Р.Р. Розен – Е.И. Алексееву 14 (27) октября 1903 г. // Там же, л. 16.

Предложение Р.Р. Розена означало, что гарантом корейских возможностей Японии выступила бы Россия. Кажется, это в большей степени были взгляды российского дипломата, чем его японских визави. Другое суждение Р.Р. Розена выглядело более обоснованным. Полагая, что Япония не согласится сохранить ст. 7, он считал недопустимым просто убрать ее (даст шанс Японии опять поднять маньчжурский вопрос и, главное, приравняет положение России в Маньчжурии к японскому в Корее). Министр иностранных дел был не вполне согласен с Р.Р. Розеном, но пока он сконцентрировал усилия на борьбе с наместником.

Предел допустимых для себя уступок Е.И. Алексеев сообщил В.Н. Ламздорфу в начале ноября 1903 г.: Маньчжурия – вне интересов Японии, Токио можно предоставить свободу действий в Корее, но сохраняя, как минимум, 50-верстную нейтральную полосу на границе с Маньчжурией (то есть, бассейн р. Ялу). «Дальнейшие изменения» наместник считал «вряд ли возможными».⁸⁹ После получения предложений из Порт-Артура министр иностранных дел сразу заявил Николаю II, что новый проект Е.И. Алексеева вряд ли будет принят японцами.⁹⁰ В.Н. Ламздорф воспользовался твердолобостью наместника, обвинив его в стремлении сорвать переговоры. По мнению министра иностранных дел, адмирал добивался «бессрочного продления военной оккупации Маньчжурии», надеясь напугать этим японцев и сделать их более сговорчивыми. Когда же стало ясно, что такая политика не приносит успеха, он начал откровенно тянуть время, чтобы лучше подготовиться к войне.⁹¹

Монарху следовало выбрать между более гибкой и уступчивой позицией В.Н. Ламздорфа, нацеленной на достижение соглашения, и твердой Е.И. Алексеева, оставляющей мало шансов на удовлетворение японских амбиций. Николай II принял типичное для себя решение: продолжать переговоры «спокойно, но настойчиво», не делая существенных уступок.⁹² Тем не менее, самодержец сам вычеркнул ст. 7 русских предложений (признание Маньчжурии вне сферы японских интересов), заявив, что вопрос не касается Кореи.⁹³ Это расходилось с мнением Е.И. Алексеева, зато царь однозначно поддержал его в требовании нейтральной полосы в Корее.⁹⁴

89 Е.И. Алексеев – В.Н. Ламздорфу 5 (18) ноября 1903 г. // РГА ВМФ, ф. 32, оп. 1, д. 134, л. 23.

90 Всеподданнейшая записка В.Н. Ламздорфа 8 (21) ноября 1903 г. // РГИА, ф. 1282, оп. 1, д. 761, л. 56-57.

91 Черновик всеподданнейшей записки В.Н. Ламздорфа 11 (24) ноября 1903 г. // АВПРИ, ф. 150, оп. 493, д. 189, л. 46-48; *Симанский*. События на Дальнем Востоке. С. 186.

92 В.Н. Ламздорф – Николаю II 19 ноября (2 декабря) 1903 г. // ГАРФ, ф. 568, оп. 1, д. 180, л. 57.

93 Всеподданнейшая записка В.Н. Ламздорфа 26 ноября (9 декабря) 1903 г. с резолюцией Николая II // РГА ВМФ, ф. 32, оп. 1, д. 123, л. 44.

94 В.Н. Ламздорф – Е.И. Алексееву 26 ноября (9 декабря) 1903 г. // ГАРФ, ф. 568, оп. 1, д. 180, л. 65.

Адмиралу пришлось принять царскую позицию, это означало, что уже не только наместник диктовал содержание русских ответов.

В утешение самодержец поручил «хозяину Дальнего Востока» подготовить редакцию статьи о нейтральной зоне.⁹⁵ В тактике ведения переговоров со стороны России это было новым и означало, что разработка ответа ведется по частям, сепаратно друг от друга, и их готовят люди, по разному относящиеся к самой идее соглашения. Кроме того, 23 ноября (6 декабря) Николай II в ответ на многочисленные запросы японского посланника в Петербурге распорядился передать ему контрпредложения России, минуя Р.Р. Розена, отвергнув таким образом алексеевскую тактику затягивания переговоров (разумеется, официальный ответ России был передан в Токио через барона 28 ноября).⁹⁶ Центр обсуждения и формулировки российской позиции незаметно переместился в Петербург. Это также означало, что влияние наместника на ход русско-японских переговоров уменьшалось.

Однако содержание русского ответа еще было пронизано духом Е.И. Алексеева. Россия вновь развела маньчжурский и корейский вопросы, оставив в проекте соглашения только Корею. Убрав ограничения на ввод японских войск в королевство и согласившись на соединение железных дорог, Петербург оставил лишь требование нейтральной зоны севернее 39 параллели.⁹⁷ В результате к декабрю казалось, что корейский вопрос стоит уже на пороге разрешения. Токио как будто склонялся к принятию русских предложений. С. Курино сообщил в Петербурге английским дипломатам, что оба правительства в принципе договорились даже о нейтральной зоне в Корее.⁹⁸ Совсем другое можно сказать про маньчжурскую проблему – там стороны практически не приблизились к пониманию.

Во время подготовки второго русского ответа напомнить о себе решил А.Н. Куропаткин. 23 ноября (6 декабря) 1903 г. он опять предложил «безотлагательно присоединить Северную Маньчжурию к России», для чего, по мнению военного министра, следовало поступиться Квантуном и Южно-Маньчжурской железной дорогой.⁹⁹ Его поддержал С.Ю. Витте, который, по свидетельству А.Н. Куропаткина, уже не только признал неизбежность присоединения к России Северной Маньчжурии, но и брался убедить в случае необходимости в этом В.Н. Ламздорфа, а также продать

95 В.Н. Ламздорф – Е.И. Алексееву 25 ноября (8 декабря) 1903 г. // Там же, л. 64.

96 В.Н. Ламздорф – Е.И. Алексееву 23 ноября (6 декабря) 1903 г. // РГА ВМФ, ф. 32, оп. 1, д. 484, л. 12.

97 *Симанский*. События на Дальнем Востоке. С. 182-183.

98 С. Спринг Райс – Г. Лэнсдоуну 25 ноября 1903 г. // The Great Britain. Public Record Office. Foreign Office (PRO FO), 65/1662, p. 210. Имелось в виду японское предложение установить нейтральную зону на границе по 50 километров с каждой стороны.

99 Записка А.Н. Куропаткина изложена в книге: *Витте С.Ю.* Вынужденные разъяснения по поводу отчета генерала Куропаткина о войне с Японией. М., 1911. С. 82-83.

Южно-Маньчжурскую железную дорогу за 250 млн. руб. (чего не сделаешь ради возвращения к власти).¹⁰⁰ Однако содействие С.Ю. Витте и В.Н. Ламздорфа не имело важного значения для судьбы записки. Более существенным было согласие В.К. Плеве поддержать военного министра в том, что России следует ограничиться Северной Маньчжурией. Покровительствовавший до этого безобразовцам и Е.И. Алексееву, министр внутренних дел в ноябре 1903 г. забеспокоился, он признался А.Н. Куропаткину, что не понимает, «куда мы идем».¹⁰¹ В изображении А.Н. Куропаткина это походило внешне на воссоздание прежнего триумvirата и сочувствие ему В.К. Плеве. Однако эти меры не могли повлиять на ход русско-японских переговоров: отказ от Квантуна не имел никакого значения: арендный договор России никем не подвергался сомнению и не был поводом к войне. Да и действовал военный министр не в такт событиям: 23 ноября (6 декабря) русский ответ был уже готов, так что он со своей запиской явно опоздал. Кроме того, позиция А.Н. Куропаткина более показательна для характеристики его личной роли: сановник, активно участвуя во всех обсуждениях, тем не менее, выпадал из общей ситуации, а его предложение слабо коррелировалось с сутью русско-японской дискуссии. Согласие же нескольких влиятельных фигур поддержать даже такую записку А.Н. Куропаткина, пусть и по разным причинам, в первую очередь отразило растущее в Петербурге недовольство политикой безобразовцев и Е.И. Алексеева.

ТРЕТИЙ РАУНД

Очевидно, что не упорство Е.И. Алексеева, а подвижки в позиции России сыграли положительную роль в ходе переговоров. Российский проект был обсужден Генро 3 (16) и 4 (17) декабря 1903 г. В полученном 9 (22) декабря ответе Япония в сущности согласилась не увязывать корейский и маньчжурский вопросы.¹⁰² По большому счету, главным моментом, неприемлемым для Петербурга, оставалось требование Токио исключить из предполагаемого договора статью о нейтральной зоне.

После этого российское руководство впало в продолжительные размышления. Е.И. Алексеев в ответ вновь заявил о недопустимости любых уступок и повторил свой излюбленный тезис: пусть Токио действует в Корее без новых соглашений с Петербургом, а пока предложил всесторонне обсудить русские интересы в королевстве.¹⁰³ Наместник был «лично

100 Дневник А.Н. Куропаткина. С. 95, 109, 113. Его предложение еще раз увязывало политику России в Корее и Маньчжурии, против чего так возражал Е.И. Алексеев.

101 Там же. С. 100. Запись 7 ноября 1903 г.

102 В сопроводившей ответ ноте японцы просили вернуться к маньчжурскому вопросу, но, похоже, удовлетворительное решение по Корее могло окончательно снять эту проблему.

103 Е.И. Алексеев – Николаю II 13 (26) декабря 1903 г. // ГАРФ, ф. 568, оп. 1, д. 180, л. 82-83.

глубоко убежден, что если мы сейчас заявим Японии, что остаемся при существующих договорах, признающих независимость Кореи и равноправность в ней России и Японии, то она никогда не решится начать войну наступательную, без союзников, без денег и зимой».¹⁰⁴

Николай II также не верил в то, что конфликт может начаться. Даже 13 (26) декабря 1903 г. в ответ на телеграмму Р.Р. Розена, полагавшего, что небольшой десант японцев в Корею – еще не повод к войне, он заметил: «Высадка отряда японских войск в Корею не будет вызовом России. О нападении же на Порт-Артур или Владивосток, по моему, и речи быть не может».¹⁰⁵

Казалось, что сдвиги в японской позиции дают реальные шансы на достижение соглашения. Поэтому откровенное затягивание переговоров наместником взорвало В.Н. Ламздорфа, который обвинил Е.И. Алексеева в стремлении сорвать их «всесторонним обсуждением». Министр упирал на то, что адмирал, несмотря на ясно выраженное желание Николая II продолжать дискуссию, дал делу «совершенно иное направление» (то есть, не управляется из Петербурга, что подсказывало и решение – устранить от переговоров).¹⁰⁶ Правда, и на этот раз царь не сделал надлежащих выводов, но влияние Е.И. Алексеева продолжало уменьшаться.

Для подготовки русского ответа самодержец 16 (29) декабря 1903 г. собрал в Петербурге Особое совещание под председательством великого князя Алексея Александровича, в котором также участвовали А.Н. Куропаткин, А.М. Абаза и В.Н. Ламздорф.¹⁰⁷ По-видимому, обращение к давно опробованному способу решения сложных вопросов отразило не столько внимание к просьбе наместника, сколько разочарование монарха ходом переговоров. Е.И. Алексеев, чью точку зрения представлял А.М. Абаза, по-прежнему заявлял о необходимости ничего не уступать Японии в Корею, предполагая апеллировать к позиции других держав, которые, по его мнению, будут протестовать, если Страна восходящего солнца водворится на Корейском полуострове.¹⁰⁸ А.Н. Куропаткин предложил отдать Японии половину Кореи (до 39 параллели) и Южную Маньчжурию.¹⁰⁹ Его позиция на сей раз представляла из себя механическое объединение двух разных точек зрения (Е.И. Алексеева и своей по поводу Северной

104 Телеграмма Г.А. Плансона в Петербург 14 (27) декабря // ГАРФ, ф. 818, оп.1, д. 66. На следующий день, 28 декабря, японский кабинет обсуждал последние приготовления к войне, так как уже не верил в успех переговоров с Россией (Okamoto, *The Japanese Oligarchy*, p. 99).

105 АВПРИ, ф. 150, оп. 493, д. 189, л. 113.

106 Записка В.Н. Ламздорфа Николаю II 15 (28) декабря 1903 г. // ГАРФ, ф. 568, оп. 1, д. 179, л. 62-64.

107 *Симанский*. События на Дальнем Востоке. С. 190-192.

108 Мнение А.М. Абазы на совещании 16 (29) декабря 1903 г. // Малиновая книга. С. 27-31.

109 Дневник А.Н. Куропаткина. С. 114-115.

Маньчжурии).¹¹⁰ Однако министр опять не получил поддержки. В целом, содержание обсуждения показало, что его участники не в состоянии достичь единства по обсуждаемым вопросам.

В сложившейся ситуации безобразовцы пошли на нестандартный ход. Во второй половине декабря А.М. Безобразов встретился с секретарем японской миссии в Петербурге. В двухчасовом монологе он изложил ход и результаты Особого совещания 16 (29) декабря. Не скрывая разногласий, А.М. Безобразов резюмировал позицию России так: правительство готово идти навстречу японским желаниям в Корее, но не в Маньчжурии, куда сделаны колоссальные вложения и где принесены значительные жертвы. В любом случае, если Россия останется в Маньчжурии или передаст ее Китаю, она не может допустить там принцип равного соперничества держав.¹¹¹ А.М. Безобразов явно стремился убедить Токио, что он и его сторонники не стоят на пути русско-японского соглашения, но делал это весьма неуклюже. Поэтому С. Курино и английский дипломат Ч. Скотт, извещенный о встрече, сделали из монолога А.М. Безобразова совсем другой вывод – о том, что ситуация в Особом совещании недалеко ушла от анархии. А сам визит А.М. Безобразова они расценили как продолжение его борьбы с В.Н. Ламздорфом, справедливо предположив, что встреча косвенно свидетельствует об укреплении позиций министра. Тем не менее, у С. Курино было мрачное предчувствие относительно исхода переговоров: его очень беспокоила слабость позиций В.Н. Ламздорфа, о которой свидетельствовал ход совещания 16 (29) декабря. Сам граф, говоря с ним успокоительным тоном и обещая уступки, тем не менее, не мог сообщить хотя бы суть русского ответа.

Визит А.М. Безобразова подтолкнул японского дипломата к ответному шагу. 29 декабря 1903 г. (11 января 1904 г.) С. Курино обратился к С.Ю. Витте с просьбой о встрече. Для японцев его оценки имели важное значение, так как они были склонны доверять ему. Отставной министр согласился, обусловив ее тем, чтобы сообщение о ней не посылалось по телеграфу в Токио, так как оно будет прочитано российскими властями. Предусмотрительность была не лишней, так как заявления С.Ю. Витте носили скандальный характер и были исключительно важны для дальнейшего хода переговоров. Во время разговора сановник выразил поддержку В.Н. Ламздорфу и заявил, что они находятся в оппозиции русской политике на Дальнем Востоке, так как не имеют влияния и отстранены от дел. Собеседнику следовало усвоить, что не министр иностранных дел определяет курс Петербурга, а это в свою очередь опрокидывало надежды на усиление позиций В.Н. Ламздорфа. Далее С.Ю. Витте отказался признать значение любых соглашений, объявив, что вопрос не в их со-

¹¹⁰ Там же. С. 114-116.

¹¹¹ Ч. Скотт – Г. Лэнсдоуну 6 января 1904 г. // PRO FO, 65/1678, p. 16-16 turn.

держании, а в том, достаточно ли у сторон сил, чтобы настоять на своих планах. Таким образом отставной министр дезавуировал саму идею договоренностей. А чтобы собеседник не сомневался, он добавил: Япония не может соревноваться с Россией по ресурсам, как материальным, так и людским, поэтому игра в затягивание переговоров выгодна только России. Как только Петербург почувствует себя на Дальнем Востоке сильнее Токио, он станет действовать в соответствии со своими желаниями, а не договорами. Поэтому Японию в Корею не обезопасят никакие соглашения, единственный выход для нее – держаться естественной границы – моря.¹¹² Трудно было более выразительно дискредитировать ведущиеся переговоры, чем так, как это сделал С.Ю. Витте. Разумеется, он говорил это вполне сознательно, преследуя прежде всего свои цели. Экс-министр полагал, что в случае перерастания кризиса в войну Россию ждут тяжелые испытания, тогда-то безобразовцы будут удалены, а к власти снова призовут его. Надо признать, что многоопытный сановник не ошибся. Однако разговор С. Курино с С.Ю. Витте не мог повлиять на содержание японского ответа 13 января: в Токио содержание беседы стало известно лишь 21 января.

Тем временем все растущую тревогу испытывал самодержец. Итоги Особого совещания не удовлетворили Николая II и он решил лично проявить инициативу. 18 (31) декабря царь напрямую указал Р.Р. Розену продолжать переговоры, предпочитая их срыву (удар по престижу России) утверждение Японии в Корею по договоренности с Петербургом, что опять шло вразрез с позицией Е.И. Алексеева.¹¹³ Однако текст телеграммы Р.Р. Розену, составленный министром и представленный царю 19 декабря (1 января), Николай II отверг (в нем содержалось уведомление о возможности дальнейших уступок России).¹¹⁴ Императора не устроило не только это, но и критика взглядов посланника министром. С точки зрения В.Н. Ламздорфа, Р.Р. Розен оказался слишком привержен формуле «обменять Корею на Маньчжурию» (идея была действительно неудачной, так как позиции Петербурга в Маньчжурии не зависели от воли Токио, в случае реализации она обещала как минимум лишь унижительное дипломатическое поражение России, а в худшем варианте – войну, чего и опасался граф).¹¹⁵ Не приняв точку зрения В.Н. Ламздорфа, царь предпочел тактику балланса: он через А.М. Абазу подтвердил для Е.И. Алексеева: по всем делам Дальнего Востока следует обращаться к наместнику.¹¹⁶ Это не

112 Ч. Скотт – Г. Лэнсдоуну 7 (20) января 1904 г. // *ibid.*, р. 91; *Романов. Очерки дипломатической истории*. С. 258-259.

113 В.Н. Ламздорф – Е.И. Алексееву 18 (31) декабря 1903 г. // РГА ВМФ, ф. 32, оп. 1, д. 484, л. 18-19.

114 ГАРФ, ф. 568, оп. 1, д. 180, л. 91-92.

115 В.Н. Ламздорф – Николаю II 20 декабря 1903 г. (2 января 1904 г.) // Там же, л. 93-94.

116 А.М. Абаза – В.Н. Ламздорфу 22 декабря 1903 г. (4 января 1904 г.) // Там же, л. 102.

изменило фактического положения дел, но министру было недвусмысленно указано на его место.¹¹⁷

Третий раунд переговоров оказался временем борьбы В.Н. Ламздорфа преимущественно против позиции Р.Р. Розена. Министр пытался убедить Николая II в противоречивости взглядов посланника, четко указав: именно нерешенность маньчжурского вопроса вызывает недовольство держав, что, собственно, и побуждает Японию как жестко требовать удовлетворения для себя в Корее, так и ряда уступок в Маньчжурии.¹¹⁸ Министр абсолютно точно обозначил главный нерв всей политической ситуации, что диктовало соответствующие действия. 20 декабря (2 января) В.Н. Ламздорф по поручению Николая II указал наместнику, какие именно распоряжения следует дать Р.Р. Розену. Все-таки это были очередные уступки: Россия соглашалась изменить ст. 2, ст. 5 принималась в прежнем японском варианте (взаимное обязательство не использовать Корею в стратегических целях), единственной проблемой была сохраненная ст. 6 о нейтральной зоне в Корее.¹¹⁹

Граф, инструктируя Р.Р. Розена, сосредоточился на проблеме: как оговорить права иностранцев в Маньчжурии. Министр подчеркнул: у Петербурга нет законных оснований, чтобы отвергать их, пока существует суверенитет Китая над этой территорией. Следовательно, попытка не признавать это никак не могла повлиять на позицию Японии ни в Корее, ни в Маньчжурии (ей можно было и дальше требовать соблюдения там своих прав, также как и других держав).¹²⁰

Наместник, утратив контроль над переговорами, продолжал уверять Петербург в правильности своей позиции. 22 декабря (4 января) Г.А. Плансон (дипломатический чиновник при Е.И. Алексееве) телеграфировал в столицу от лица своего патрона: «Ручаюсь, что энергичные действия в Маньчжурии и Корее, основанные на завоевании Маньчжурии и существующих относительно Кореи договорах о нашей равноправности с Японией могут единственно привести ее к смирению».¹²¹ Аналогичные послания наместник и сам отправлял Николаю II.¹²²

117 К этому времени влияние самого А.М. Безобразова на переговоры было незначительным: его представления уже мало соответствовали реалиям. В конце декабря 1903 г. он все еще надеялся на союз Японии и России на основе неприсоединения (!) ни Маньчжурии, ни Кореи при охране корейской независимости совместно российскими и японскими войсками (Проект записки А.М. Безобразова 28 декабря 1903 г. (10 января 1904 г.) // ГАРФ, ф. 543, оп. 1, д. 183, л. 58-64). Впрочем, 1 января 1904 г. он отбыл в Швейцарию к своей семье, лишившись таким образом всех возможностей воздействовать на переговоры.

118 В.Н. Ламздорф – Николаю II 22 декабря 1903 г. (4 января 1904 г.) // ГАРФ, ф. 568, оп. 1, д. 180, л. 99-100.

119 Там же, л. 89-90.

120 В.Н. Ламздорф – Р.Р. Розену 23 декабря 1903 г. (5 января 1904 г.) // Там же, л. 109-110.

121 ГАРФ, ф. 818, оп. 1, д. 66.

122 Малиновая книга. С. 25-26.

А.М. Абаза пытался вернуть Е.И. Алексееву влияние в Петербурге, имея некоторую поддержку от Николая II: царь польстил твердости Е.И. Алексеева, подчеркнув недопустимость уступок, а Маньчжурия, по мнению самодержца, и вовсе должна быть предметом переговоров исключительно между Китаем и Россией.¹²³ Однако реванш не состоялся: уже 31 декабря А.Н. Куропаткин пожаловался Николаю II на действия А.М. Абазы (он хотел, чтобы указания для Е.И. Алексеева направлялись только через Особый комитет Дальнего Востока, то есть предварительно обсуждались министрами) и царь согласился, распорядившись «сохранить установленный ныне порядок сношений».¹²⁴ Эта не вполне ясная фраза означала, что Николай II не допустит концентрации власти в руках Е.И. Алексеева и безобразовцев.

Третий по счету русский ответ был вручен в Токио Р.Р. Розеном 24 декабря 1903 г. (6 января 1904 г.). Несмотря на все призывы, поступавшие из Порт-Артура, влияние Е.И. Алексеева на переговоры сократилось до минимума. Он с трудом согласился на 50-верстную нейтральную зону на границе с Кореей, правда, не признавая ее «выгодной нам».¹²⁵ Правда, в русском проекте по-прежнему фигурировала 39 параллель. Петербург вернул в соглашение Маньчжурию, сохраняя там за иностранцами (в том числе и за японцами) все договорные права, за исключением устройства поселений.¹²⁶ Похоже, что это был тонкий ход, придуманный столичными дипломатами: Россия лишь создавала видимость существенной уступки, так как уже приобретенных договорных прав у иностранцев в Маньчжурии имелось мало.

Даже запоздалая активность принесла некоторые результаты. 26 декабря (8 января) российский посол в Лондоне А.К. Бенкендорф встретился с британским министром Г. Лэнсдоуном. Ему было предписано разрушить неверное представление в Англии о политике России в Маньчжурии. Петербург еще раз выразил готовность признать права иностранцев там по действующим договорам, но настаивал и на защите собственных интересов. Впервые за время переговоров В.Н. Ламздорф озаботился японской аргументацией и той платформой, на которой базировалась требовательность Токио. Ошибка была в том, что произошло это слишком поздно. В принципе граф вполне правильно понимал, где

123 Две телеграммы А.М. Абазы Е.И. Алексееву 30 декабря 1903 г. (12 января 1904 г.) // РГА ВМФ, ф. 417 [Главный морской штаб], оп. 1, д. 2865, л. 19-27.

124 Дневник А.Н. Куропаткина. С. 120. Запись 31 декабря 1903 г. Царь так и не принял определенной точки зрения относительно власти Е.И. Алексеева. 5 (18) января 1904 г. он разрешил наместнику сноситься по общим и военным делам исключительно с А.М. Абазой, но уже 13 (26) января подтвердил, что управление войсками на Дальнем Востоке находится в руках у Военного министерства (Там же. С. 122-124).

125 Там же. С. 120. Запись 31 декабря 1903 г.

126 Симанский. События на Дальнем Востоке. С. 193-194.

лежит ключ к разрешению маньчжурской проблемы, однако глава Форин-офис не был удовлетворен разъяснениями посла, заявив, что слов недостаточно. Почему Россия не демонстрирует свое стремление на деле, например, не выведет войска из Нючжуана?¹²⁷ 31 декабря (13 января) на следующей встрече Г. Лэнсдоун напомнил А.К. Бенкендорфу также о том, что Петербург отрицает право иностранцев на селтлементы в Маньчжурии, а ведь они были трактатными. Англия не без удовольствия объявила, что воспринимает это как полное игнорирование прав иностранцев, в том числе и по трактатам.¹²⁸ Через два дня российский посол был еще раз огорошен заявлением Форин-офис, что Лондон воспринимает заявление Петербурга о гарантиях договорных прав иностранцев как намерение России в ближайшем будущем присоединить Маньчжурию либо заключить с Китаем договор о протекторате над ней. Конечно, А.К. Бенкендорф не смог ничего ответить сразу британскому министру.¹²⁹

Позиция Англии была наигранной. Естественно, что вопрос о договорных правах в Маньчжурии был немедленно обсужден между Лондоном и Токио. Японцы объявили их признание Россией иллюзорным, используя те же аргументы: российские войска продолжали занимать единственный открытый для иностранцев маньчжурский порт Нючжуан, а соглашение об открытии для японцев других портов не было ратифицировано Пекином. Японии также не понравился запрет на создание иностранных селтлементов.¹³⁰ Разумеется, Токио подыгрывал Лондону, ведь без поддержки Англии война с Россией была вряд ли возможна. Поэтому нетрудно заметить разницу в заявлениях С. Курино и Т. Хаяши относительно хода переговоров с Россией, которые делались в Петербурге и Лондоне. Вряд ли Япония горела желанием развязать войну исключительно из-за прав иностранцев в Северном Китае. Но вопрос о Корее еще не был решен с Россией, да и могло ли соглашение состояться в принципе – это вызывало в Токио все больше сомнений. Поэтому защита прав иностранцев в Китае была необходимой составной частью японской позиции.

И все-таки 30 декабря 1903 г. (12 января 1904 г.) Генро решил продолжать переговоры с Россией, даже в случае получения очередного неудовлетворительного для Японии ответа разрыв отношений еще не был предreshен. Тем не менее, атмосфера постепенно накалялась: вместе с сообщением о заседании совета, Ю. Комура предписал С. Курино проявлять минимум самостоятельности и все, даже малозначительные действия, согласовывать с Токио.¹³¹

127 Г. Лэнсдоун – Ч. Скотту 8 января 1904 г. // PRO FO, 65/1677, p. 32.

128 Г. Лэнсдоун – Ч. Скотту 13 января 1904 г. // *ibid.*, p. 24.

129 Г. Лэнсдоун – Ч. Скотту 15 января 1904 г. // *ibid.*, p. 30.

130 Г. Лэнсдоун – К. Мак Доналду 8 января 1904 г. // *ibid.*, p. 32-32 turn.

131 Ю. Комура – С. Курино 14 января 1904 г. // Ниппон Гайко Буншо [Документы японской дипломатии, подготовленные японским Министерством иностранных дел]. Т. 37. Ч. 1. Токио, 1958. С. 34-35.

ПОСЛЕ ТРЕТЬЕГО РАУНДА

31 декабря 1903 г. (12 января 1904 г.) Р.Р. Розен получил ответ Токио, ставший последним. Из него проистекало, что стороны как будто нащупали консенсус относительно Маньчжурии. В случае, если Россия обязывалась соблюдать там договорные права иностранцев, Япония признавала всю Маньчжурию вне сферы своих интересов, а также специальные интересы России там и право на их защиту (это был далеко не режим «открытых дверей», который хотели бы установить Англия и США). Япония удалила из ст. 5 слова о неиспользовании Кореи в стратегических целях. Главным спорным пунктом по-прежнему оставалась нейтральная зона в королевстве.¹³²

В.Н. Ламздорф, правда, еще боролся за пункт о стратегическом неиспользовании корейской территории, заручившись поддержкой Франции. Но – главное – он был готов идти на признание трактатных прав иностранцев в Маньчжурии без оговорок и отказаться вообще от нейтральной зоны на полуострове.¹³³ К середине января 1904 г. он составил в этом духе новый проект соглашения.¹³⁴ Видимо, это был тот текст, который устроил бы японцев. Даже британские дипломаты отметили значительное возрастание шансов на согласие.¹³⁵

Неожиданно в ход переговоров вмешался В.К. Плеве. Сначала перед Новым годом он заявил в Комитете министров, что взрывоопасная ситуация внутри России заставляет его выступить категорическим противником войны. А в ночь с 7 на 8 (20-21) января он встречался с С. Курино и заявил ему, что японские поправки к тексту соглашения могут быть приняты.¹³⁶ Возможно, именно этот разговор продлил переговоры. 24 января Т. Кацура и микадо решили: если Россия примет японские условия – войны не будет, если прозвучат приемлемые контрпредложения – продолжать переговоры, если отклонит – начинать боевые действия.¹³⁷

В Петербурге для обсуждения положения 15 (28) января 1904 г. было созвано еще одно Особое совещание в прежнем составе: Ф.К. Авелан, А.Н. Куропаткин, В.Н. Ламздорф, А.М. Абаза, великий князь Алексей Александрович. Мнения опять разделились: против дальнейших уступок говорил только великий князь. В.Н. Ламздорф, А.М. Абаза и А.Н. Куропаткин фактически согласились с тем, что Корею следует отдать Японии, впрочем, сопровождая это некоторыми оговорками (В.Н. Ламздорф – о

132 Симаковский. События на Дальнем Востоке. С. 196.

133 В.Н. Ламздорф – Николаю II 2 (15) января 1904 г. // ГАРФ, ф. 568, оп. 1, д. 180, л. 145-147.

134 Проект соглашения России и Японии б/д // Там же, л. 158.

135 Ч. Скотт – Г. Ленсдоуну 21 января 1904 г. // PRO FO, 65/1678, p. 91 turn.

136 Ч. Скотт – Г. Ленсдоуну 21 января 1904 г. // *ibid.*, p. 91 turn.

137 Okamoto, *The Japanese Oligarchy*, p. 100.

необходимости запретить Японии занимать стратегические пункты). На границе нейтральной зоны по 39 параллели (как и Е.И. Алексеев) стоял Ф.К. Авелан и, по сути, А.Н. Куропаткин. Он также продолжал твердить о непризнании прав Китая на Маньчжурию.¹³⁸ В итоге никакого консолидированного решения снова принято не было, новые редакции ст. 5 и 6 (запрет на военные сооружения на корейском побережье и нейтральная зона без войск севернее 39 параллели) поручили подготовить В.Н. Ламздорфу.¹³⁹ Не удивительно, что после разъяснений министра иностранных дел Николай II не утвердил мнения этого совещания. Разброс мнений, явная слабость аргументации свидетельствовали, что у бюрократической верхушки наступил своеобразный коллапс как государственного рассудка, так и политической воли. В этой ситуации самый здравомыслящий из всех участников совещания – В.Н. Ламздорф – обладал едва ли не наименьшими возможностями, чтобы настоять на собственном решении.

Пока А.М. Безобразов пребывал в Швейцарии, на контакт с японцами в Петербурге пошел А.М. Абаза, сообщив им итоги Особого совещания 15 (28) января 1904 г. В его изложении получалось, что участники обсуждения были более всего озабочены корейским вопросом, настаивая на запрете укреплять берега Корейского пролива и обязательно – на нейтральной полосе севернее 39 параллели.¹⁴⁰ Это значительно расходилось с позицией и обещаниями В.Н. Ламздорфа, что Россия готова пойти на существенные уступки. Возможно, что А.М. Абаза сознательно дискредитировал действия графа.¹⁴¹ Разумеется, японцы не принимали все его рассказы за чистую монету, однако С. Курино сделал вывод, что у Японии нет надежды получить от России удовлетворяющий ее результат. Можно сказать, что именно безобразовцы подтолкнули его к такому заключению. Аналогичное мнение сложилось и у Токио. Даже такой сторонник соглашения с Россией как Х. Ито признал 30 января, что если даже Петербург откажется от нейтральной зоны и требования запретить использование корейской территории в стратегических целях, то, глядя на политику России в целом, это будет лишь временный мир.¹⁴²

В Петербурге же и после Особого совещания обсуждение русского ответа продолжалось. В.Н. Ламздорф продолжал настаивать на отказе от нейтральной зоны, А.М. Абаза категорически не соглашался.¹⁴³ Его позиция отражала отношение Е.И. Алексеева, который усматривал в японском ответе лишь рост притязаний Токио и опять призывал заняться всесто-

138 Дневник А.Н. Куропаткина. С. 124-126. Запись 15 января 1904 г.

139 ГАРФ, ф. 568, оп. 1, д. 180, л. 198.

140 Ч. Скотт – Г. Лэнсдоуну 3 февраля 1904 г. // PRO FO, 65/1678, р. 132.

141 Симаковский. События на Дальнем Востоке. С. 209.

142 Okamoto, *The Japanese Oligarchy*, p. 101.

143 Это происходило 20-21 января (2-3 февраля) 1904 г. (Малиновая книга. С. 45-48).

ронным обсуждением корейского вопроса.¹⁴⁴ К этому времени наместник уже утратил реальное влияние на переговоры и был откровенно раздражен происходящим. Он заявил дипломатическому чиновнику Г.А. Плансону: «Все ваши писания ничего не стоят. Я бы просто объявил японцам войну за их нахальство. Их необходимо проучить. Все равно войны мы не избежим».¹⁴⁵ Настрой на войну стал у Е.И. Алексеева доминирующим. Он сообщил в Петербург, что не видит никакого смысла в продолжении переговоров из-за «большой твердости и самоуверенности» японцев и полагает, что вооруженное столкновение с Японией «должно быть признано неизбежным».¹⁴⁶

Царь в который уже раз занял промежуточную позицию, предложив сделать статью о нейтральной зоне тайной.¹⁴⁷ Николай II, искренне намереваясь продолжать переговоры, был уже изрядно недоволен поведением японской стороны. Еще 1 (14) января 1904 г. он объявил японскому послу С. Курино, выражая надежду на сохранение добрых отношений, «что Россия есть не только великая страна, но и часть света, и что у такой державы, несмотря на все миролюбие, может наступить предел терпения».¹⁴⁸ Но царь не вполне понимал всю серьезность происходящего. Кажется, он был по-прежнему уверен в том, что наихудшим результатом может стать высадка японцев в Южной Корее, после чего «кризис на Дальнем Востоке потеряет свою остроту».¹⁴⁹

В конце концов последнее русское предложение уже не содержало требования нейтральной зоны, хотя самодержец поручил Р.Р. Розену любым способом склонить японцев к подписанию «особой секретной статьи» о ней.¹⁵⁰ Но было уже поздно: японское руководство явно приняло принципиальное решение завершить переговоры после того, как 19 января (1 февраля) С. Курино сообщил в Токио о своем разговоре с В.Н. Ламздорфом, когда российский министр не только не смог назвать предполагаемую дату русского ответа, но и объяснял это трудностями устранить разногласия между министрами и Е.И. Алексеевым, не скрывая, следовательно, ту обстановку хаоса, которая продолжала царить в российских верхах. Свидетельством того, что в Токио уже отказались от идеи

144 Е.И. Алексеев – В.Н. Ламздорфу 3 (16) января 1904 г. // ГАРФ, ф. 568, оп. 1, д. 180, л. 154.

145 Дневник Г.А. Плансона // Красный архив. 1930. № 4-5 (41-42). С. 158-159. Записи 3 и 4 января 1904 г.

146 Симанский. События на Дальнем Востоке. С. 200-201.

147 Николай II – В.Н. Ламздорфу 21 января (3 февраля) 1904 г. // ГАРФ, ф. 568, оп. 1, д. 661, л. 76-77.

148 Слова Николая II были переданы А.М. Абазой Е.И. Алексееву телеграммой 8 (21) января 1904 г. (РГА ВМФ, ф. 32, оп. 1, д. 212, л. 8).

149 Резолюция Николая II на телеграмме Е.И. Алексеева 16 (29) января 1904 г. // ГАРФ, ф. 568, оп. 1, д. 180, л. 190.

150 Симанский. События на Дальнем Востоке. С. 205-207.

продолжать переговоры стала телеграмма С. Курино 3 февраля, в которой японскому посланнику предписывалось более не предпринимать усилий, чтобы получить русский ответ или его суть впредь до особого указания.¹⁵¹

22 января (4 февраля) 1904 г. В.Н. Ламздорф уведомил С. Курино, что ответ Петербурга отправлен Е.И. Алексееву, который уже не сможет внести в него существенных изменений. Россия согласилась убрать из соглашения статью о нейтральной зоне и снимала оговорки относительно признания трактатных прав иностранцев в Маньчжурии. Не сообщая деталей ответа, министр изложил свое частное мнение: Россия хотела бы дружески договориться с Японией по делам Дальнего Востока, но основой для этого должна быть констатация независимости и целостности Кореи, а также неиспользование ее территории в стратегических целях. Он также не отказался полностью от нейтральной зоны.¹⁵² Разумеется, такие разъяснения не могли удовлетворить Японию. Получая постоянно информацию о хаосе, царящем в русских верхах, там не были уверены, что верх возьмет компромиссная точка зрения. Поэтому за три часа до получения в Токио сообщения о разговоре с В.Н. Ламздорфом, в Петербург для С. Курино уже были посланы 3 депешы с уведомлением о разрыве дипломатических отношений с Россией. В этом решении надо видеть не очередное изменение позиции Страны восходящего солнца на переговорах, а победу «партии войны», которая с самого начала выступала за решение проблем военным путем. Тем не менее, вручая 24 января (6 февраля) японскую ноту В.Н. Ламздорфу, С. Курино уверял его, а Ю. Комура в Токио – Р.Р. Розена, что это не означает объявления войны.

Возможно, счет времени до старта боевых действий шел в те дни на часы. Ведь 21 января (3 февраля) русский ответ был сообщен Лондону, и Г. Лэнсдоун оказался им полностью удовлетворен, к немалому смущению Т. Хаяши. Возможно, именно тогда японский посланник решил: телеграмма с русскими предложениями не должна быть получена в Токио.¹⁵³

Удивительно, но в России почти никто не воспринял разрыв дипломатических отношений как преддверие войны. Даже морской министр Ф.К. Авелан после все еще был уверен, что война «немыслима»: «для того, чтобы драться, надо быть двоим... Мы ни в коем случае не доведем дела до разрыва».¹⁵⁴ В Петербурге, по-видимому, решили, что позиция Токио означает только намерение захватить Корею. Именно поэтому Николай II еще раз подтвердил наместнику, что высадка японцев в Южной Корее –

151 Ю. Комура – С. Курино 3 февраля 1904 г. // Ниппон Гайко Буншо. Т. 37. Ч. 1. С. 91-92.

152 С. Курино – Ю. Комура 5 февраля 1904 г. // Там же. С. 96.

153 Симанский. События на Дальнем Востоке. С. 222.

154 Пиленко А. Из литературных воспоминаний // Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Collection of B.I. Nikolaevski. Box 642. № 18. P. 4-5.

не повод для открытия военных действий. Ему давалось право атаковать, «не дожидаясь первого выстрела с их стороны» только в случае появления десанта севернее 38 параллели.¹⁵⁵ Только 24 января (6 февраля) Николай II в первый раз выразил серьезную тревогу по поводу возможной войны с Японией. Он уже настолько устал, что единственным желанием монарха осталось достижение определенности: «воевать так воевать; мир так мир».¹⁵⁶

Е.И. Алексеев не только не участвовал в этих обсуждениях, но 12 (25) января 1904 г. он впервые за несколько месяцев не получил ежедневных депеш из Токио, Пекина и Сеула. Оказалось, что российским представителям было предписано обращаться за указаниями непосредственно в Петербург. Это означало, что Е.И. Алексеев фактически отстранялся от дальневосточной политики России. Однако его просьба об отставке принята не была.¹⁵⁷ Тем не менее, победа В.Н. Ламздорфа сыграла скорее роковую роль. Возможно, что после этого Е.И. Алексеев решился на отчаянный и безрассудный поступок – ускорить начало войны, в развязывании которой наместник был уверен. За несколько дней до нападения японцев русская эскадра в полном составе под командованием вице-адмирала О.В. Старка вышла из Порт-Артура в море и примерно сутки занималась различными маневрами. 22 января (4 февраля) об этом узнали в Японии.¹⁵⁸ Как оказалось, эти действия послужили для Токио «казусом белли».¹⁵⁹

26 января (8 февраля) началась высадка японцев в Корею, символично, что в это время в Петербурге проходило очередное совещание, на котором уже обсуждались не столько пункты договора с Японией, сколько отношение к высадке японцев в Корею.¹⁶⁰

Ход русско-японских переговоров 1903 г. показал, что едва ли не главную роль с русской стороны играли интриги и борьба за власть и

155 Николай II – Е.И. Алексееву 25 января (7 февраля) 1904 г. (получена 27 января) // РГА ВМФ, ф. 32, оп. 1, д. 219, л. 4.

156 Дневник А.Н. Куропаткина. С. 128. Запись 25 января 1904 г.

157 Бок. Завтрак у наместника. С. 26; Ремнёв А.В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX веков. Омск, 2004. С. 392-393.

158 Симанский. События на Дальнем Востоке. С. 223-224. Скорее всего, решение о войне было принято в Токио чуть раньше, 2 или 3 февраля, а известие об эскадре могло ускорить начало боевых действий. Для более точного ответа надо знать, когда известие о маневрах получили в Японии, до или после того, как отправили указание о разрыве отношений С. Курино в Петербург.

159 Никитин (Фокагитов) Д. Как началась война с Японией // Порт-Артур. С. 50. Впрочем, нельзя исключать, что действия наместника не являлись сознательной провокацией, а выражали его недомыслие. В эти же дни Е.И. Алексеев успокаивал моряков, заявляя, что нет никаких оснований опасаться войны.

160 Дневник А.Н. Куропаткина. С. 130-132.

влияние. То есть, в большей части они оказались продолжением внутренних проблем управления, явно находившихся в кризисном состоянии. Не удивительно, что Петербургу с трудом удавалось, и то не всегда, подыскивать ответы Токио, а чаще – он просто не находил их. Вместо формулирования консолидированной позиции российские верхи занимались либо перетягиванием одеяла на себя (Е.И. Алексеев – у кого больше власти), либо пытались настоять на собственном варианте решения проблем (А.Н. Куропаткин). Совершенно дезориентированные дипломаты действовали по противоречивым указаниям, а представления некоторых из них также нельзя назвать безошибочными (Р.Р. Розен). Тем не менее, в России практически никто не хотел участвовать в вооруженном конфликте. Исключением являлась только позиция Е.И. Алексеева, не стремившегося к войне во время переговоров, но уверенного в том, что схватки не миновать. Провоцировал ли он в последние мирные дни начало боевых действий – вопрос открытый. В любом случае его нельзя выставять единственным виновником с российской стороны. Самодержавие отчетливо ощущало, что находится накануне войны, но, несмотря на это, не было в состоянии предпринять необходимых мер, чтобы предотвратить ее. Разумеется, это никак не снимает ответственности с Японии за развязывание вооруженного конфликта с Россией в 1904-1905 гг.